

ГЛЕБ КАЩЕЕВ

ЧЕРНИЧНОЕ
КОРОЛЕВСТВО

NoSugar. Королевство

Глеб Кащеев

Черничное королевство

«Издательство АСТ»

2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Кащеев Г. Л.

Черничное королевство / Г. Л. Кащеев — «Издательство АСТ»,
2023 — (NoSugar. Королевство)

ISBN 978-5-17-155758-4

Оставшись сиротой, семнадцатилетний Слава решает скрываться от социальных служб до своего совершеннолетия. Он уезжает в другой город и поселяется в заброшенном доме. Но кто же знал, что в нём также прячется загадочное существо, встреча с которым оставляет герою всего лишь несколько месяцев жизни. Пытаясь понять, что делать дальше, он сталкивается с Беской – девушкой-демоном, ищущей способ отомстить своему убийце. Только вместе эти двое смогут найти то, что ищут. Для широкого круга читателей.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-155758-4

© Кащеев Г. Л., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Часть 1. Слава	6
Глава 1. Детство	6
Глава 2. Побег	11
Глава 3. Отражение	16
Глава 4. Беска	20
Глава 5. Копенгаген	25
Глава 6. Дартс	30
Глава 7. Охота во сне	35
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Глеб Кашеев

Черничное королевство

© Кашеев Г. Л., 2023

© Yugei, иллюстрации, 2023

© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Часть 1. Слава

Глава 1. Детство

Каждый ребенок придумывает себе свою сказку. Не такую, что можно найти в книжках, а собственную. Что-то потаенное, волшебное, о чем знает только он сам. Так Малыш придумал себе Карлсона, десятилетний Джесс Ааронс – мост в Террабитию, а Слава искренне верил в людей дождя. И, надо сказать, у него были на то основания.

Теперь, когда ему только что исполнилось семнадцать, вспоминать о собственной детской волшебной истории было уже как-то неловко.

В первый раз он придумал людей дождя где-то лет в десять. А может и не придумал вовсе. Каждый раз, когда Слава вспоминал о том периоде жизни, то невольно касался колечка на шее. Когда-то оно могло еще налезть на мизинец, но уже года четыре Слава носил сокровище на прочном кожаном шнурке на шее. Там, где другие носят крестик – что было очень символично. Колечко являлось его персональной религией.

Даже сейчас, когда вера в сказку отступила под давлением наступающей взрослой жизни, он продолжал его носить. Последний осколок чуда, которое коснулось его в детстве.

У бабушки было твердое убеждение, что летом ребенок должен жить в деревне, и поэтому, не слушая никаких возражений десятилетнего Славы, она в конце мая собирала большие тюки и традиционно просила соседа дядю Володю помочь с переездом в деревенский дом.

Честно говоря, Слава терпеть не мог «Соримостово», где находилось родовое гнездо бабули. Мало того, что название дурацкое, так еще и сама деревня всего в десяток домов была той еще дырой. Какой там интернет – там даже обычная сотовая связь не ловилась.

Был бы велосипед, так можно было домчать до соседнего Сорокоумово – тот, кто присваивал имена местным деревням, был тот еще фантазер – и там, на холме, постараться поймать

ускользающие последние палочки сотового сигнала, да только где ж его взять, велосипед-то. А пешком туда и обратно – так полдня убьешь.

Ровесники Славы в этом месте не водились и играть было абсолютно не с кем. Вот и выходило, что лето пролетало зря. Заняться было категорически нечем. В хорошую погоду приходилось весь день помогать бабушке с огородом, а в дождь сидеть в полутемной комнате и смотреть на стекающие по стеклу капли.

Вот тогда-то он и придумал или даже, возможно, увидел людей дождя: смутно угадываемые худые фигуры, что как тени мелькали за серой пеленой ливня. Слава воображал, что это жители волшебного мира, которые очень боятся людей, и поэтому приходят только в такую погоду, когда на улице даже собаки нос не высовывают.

К тому же, у бабули и соседей регулярно что-то пропадало из огорода, и чаще всего почему-то именно после таких дождливых дней. Очевидно, что такой фантазер, как Слава, тут же вообразил, что виноваты были не собаки, лисы, сороки или домовые, на которых периодически грешила бабушка, а именно люди дождя. Они невидимыми скользили среди капель и собирали свою дань с деревенских.

История воображаемой волшебной страны постепенно обрастала подробностями, и вскоре он уже мог часами играть сам с собой, сочиняя, как наконец попадает в тот мир за пеленой дождя и, как настоящий герой, совершает подвиги во имя прекрасной принцессы. Сказочное королевство постепенно наводнялось героями, странными причудливыми расами и дворцовыми интригами.

А потом случилась та самая встреча, которая перевернула все.

В те дни Соримостово накрыл жуткий туман. Настолько плотный, что уже в трех шагах все предметы превращались в темно-серые пятна, а в пяти и вовсе растворялись без остатка. Работать в саду при таких условиях было невозможно, но и дома сидеть вроде тоже было глупо, так что Слава наконец был предоставлен самому себе на весь день и без угрызений совести отправился на реку. Нельзя было сказать, что он так уж хотел купаться в эту прохладную и сырую погоду, но на берегу было однозначно интереснее, чем в опостылевшем огороде.

Белая пелена создавала мистическое ощущение притаившегося волшебства. Там, за стеной тумана, могло прятаться что угодно: от такого кошмара, что и ночью не привидится, до прекрасного чуда, что вдруг высунет любопытный носик из-за ближайших кустов. Почему-то Славе казалось, что в тумане можно по-настоящему заблудиться. Так, чтобы навсегда, и никто потом даже с собаками не нашел. Как будто обычные тропинки то и дело норовили раздвоиться и увести путника в неведомый новый мир.

На реке у него было свое любимое место, куда он иногда наведывался вечером полюбоваться закатом: у самой воды росла огромная старая ива с пятью толстыми стволами, похожими на растопыренные пальцы великана. В самой сердцевине получалось что-то наподобие кресла: можно было сесть на теплую кору на небольшом возвышении над мокрой травой и смотреть на воду. Какого же было его удивление, когда на этот раз он увидел, что на его любимом месте уже кто-то сидит. Заметил он это из-за тумана только когда уже зашел в «сердце» дерева, как он часто называл свой трон, и отступать было уже поздно. В этот момент человек тоже его услышал и обернулся.

Это была девчонка года на два старше его. Хотя, может, так только казалось. Девочки почему-то иногда умеют выглядеть взрослее, чем на самом деле. Удивительно большие – в поллица, как ему тогда показалось – глаза цвета болотной зеленой воды, длинные темные волосы, частично заплетенные в несколько косичек с одной стороны, с другой свободной волной спускались на плечи и спину. Одетая незнакомка была в простое платье из некрашеного и небеленого льна.

Он хотел было заявить, что это его любимое место, но понял, что это выйдет как-то грубовато. В конце концов, это единственный человек примерно его возраста, которого он вообще

в этих местах встретил, и начинать общение с наезда было неправильно. Поэтому он просто осторожно присел рядом, в шаге от девочки, и принялся напряженно смотреть на воду. Краем глаза он видел, что та сначала напряженно его разглядывала, потом смутилась и отвернулась.

Некоторое время они молчали, увлеченно разглядывая молочно-серую пелену тумана. Пауза затягивалась до неприличия, но никакие слова на ум не приходили. Мысли почему-то разбежались по уголкам и решили поиграть в прятки. Со Славой всегда так было: когда нужно быстро придумать остроумный ответ, так на него словно немота нападала. Мямлил что-то нечленораздельное, и все тут. Зато потом, спустя пару часов, когда уже поздно было что-либо менять, на ум тут же приходили такие классные фразы, что хоть записывай. Вот и сейчас он не мог сказать ни слова. Оставалось только сидеть и пялиться на темную воду, искоса поглядывая на незнакомку.

Жаль, что сбоку ему хорошо было видно только скулу и ухо. Крайне необычное, кстати, ухо. Нет, оно не было заостренным сверху, хотя Слава бы не удивился и такому, зато мочка на нем отсутствовала напрочь. Это не было результатом травмы – просто такая форма от рождения. Даже захоти девочка вдеть сережку, ее просто некуда было бы прикрепить, не дырявя сам хрящик.

– Странно, воздух сегодня мутный, а вода прозрачная, как стеклышко. Обычно все наоборот, – неожиданно сказала девчонка.

Голос у нее был бархатно-темно-малиновый.

Для Славы в свое время было неприятным открытием, что из всего класса только он видит цвет звуков и цифр, а также слышит запах слов. На обязательной диспансеризации классная чуть ли не насильно отправила его к психиатру. Тот записал в карту заумное слово «Синестезия» и сказал, что это не болезнь. Бывает у какого-то небольшого числа людей от рождения, что органы чувств перепутаны в голове.

Конечно, от издевательств одноклассников это никак не спасало, но через год подтрунивать над Славой на эту тему стало скучно, и все как-то привыкли, что он может на математике ляпнуть, что дважды два будет коричневый.

У всех людей были цветные голоса. У кого-то яркие, у кого-то серые, невзрачные. Девочка говорила низко, с какой-то глубинной хрипотцой. Не грубой, которая бывает у взрослых от прокуренности, а именно бархатной. Темно-темно малиновой.

– Просто не купается никто, вот и ил с песком осели, – пожал он плечами.

– Нет. Это Берегун в тумане осмелел, сюда дополз и порядок наконец навел. Не любит он муть.

Рыбам и водяным наказал прилично себя вести, вот и вода прозрачной стала.

Слава улыбнулся. Фантазия у незнакомки была еще похлеще, чем у него.

– А ты откуда? – спросил он.

– Оттуда, – она неопределенно махнула рукой в сторону, где по его пониманию никаких деревень рядом вроде не было. Однако тон был такой, что Слава понял: переспрашивать и уточнять не стоит.

В этот момент он неожиданно осознал, что из тумана появилось и вошло в его жизнь настоящее чудо. Это было необъяснимо: просто ощущение, что вот это все, что происходит сейчас – уникально и волшебно. Оно могло и не случиться, если бы он решил сегодня остаться дома, но оно все-таки произошло, и теперь чудо останется с ним на всю жизнь. Волшебство было разлито в воздухе, и таинственная собеседница вдруг стала ему почему-то необычайно важна. Как будто она и была центром чуда. Того, которое появляется в жизни только раз и остается навсегда. Которое очень важно не упустить, ибо как каждый ребенок таит внутри себя сказку, так же и любой взрослый тайно, но искренне сожалеет об упущенном когда-то чуде, что коснулось своим крылом и улетело прочь, навсегда оставшись рубцом в памяти.

– Меня Слава зовут, – предпринял он неуклюжую попытку познакомиться.

– Куда зовут? Слава кому? – нахмурилась она.

– Ну имя у меня такое. Кому, кому... всем, наверное. Полностью – Всеслав.

– Ты, видимо, совсем сумасшедший, раз имя готов первому встречному открыть, – сочувственно вздохнула она, – кто ж так делает?

Слава не видел ничего страшного в том, чтобы представиться, но у девчонки, наверно, был какой-то пунктик на этот предмет.

– Ты не первая встречающая, – неожиданно осмелился он, – я так чувствую.

– А... ну тогда ладно, – еле заметно на секунду улыбнулась она одними уголками губ и снова уставилась на воду, – а я вот жду, вдруг разрыв-трава проплывет. Там ниже по течению берега обкашивают, – добавила она.

– Так если ниже, то как она сюда приплывет-то? – удивился Слава.

– В этом и есть ее отличие! Она, если в воду кинуть, против течения движется. Только так ее найти и можно. Ну или, если совсем повезет, то коса об нее сломается. А так только змеи и лягушки ее могут распознать, а я с ними договариваться не умею, – вздохнула девочка.

– А зачем тебе разрыв-трава?

– В запертую комнату попасть. Там замок сложный, а ключ потерян. Ну так мне мама говорит, хотя я думаю, что его просто от меня прячут.

– Может туда и не стоит ходить? Не зря же ее заперли, – с сомнением произнес Слава.

– Ты что?! – возмутилась она, повернулась к нему и широко распахнула свои огромные глазницы. – Там же тайна! Это же самое интересное!

Слава попытался вообразить себе жилье, где годами может существовать запертая комната, а никому и дела нет, но не получилось. Вот взять их двухкомнатную квартирку, оставшуюся после гибели родителей. Первая комната его, вторая – бабули. Если одну запереть, так это уполовинить свое жилье. Как вообще можно такое долго терпеть просто на основании того, что ключ потеряли?

На другом берегу реки послышался плач ребенка.

Слава приподнялся, вслушался.

– Ты чего вскочил? – спросила она.

– Да вроде плачет кто-то. Надо сходить через брод, проверить...

– Ты точно сумасшедший! Запомни, никогда не беги на плач ребенка в тумане или сумерках, коли жизнь дорога! Никогда! – она возмущенно сверкнула глазами. Славе показалось, что они даже потемнели в этот момент.

– Почему?

– Потому что это самый верный способ заманить человека в ловушку! Тут кто покрепче – девушкой плачет, чтобы молодец какой на помощь рванул. А кто послабее и со взрослым парнем вряд ли сладит, тот ребенком прикидывается. Тогда на улов будут женщины и дети.

– Какой улов? – оторопел Слава.

Она посмотрела на него сочувственно.

– Как ты до своих двенадцати лет-то дожил?

– До одиннадцати, – автоматически поправил он.

– Странно. Выглядишь старше. Но это, конечно, все меняет. До дюжины еще можешь не дожить, – уверенно кивнула она. Слава не понял, шутит девочка или всерьез так говорит.

– Все, – неожиданно поднялась она, – не будет сегодня разрыв-травы. Да и мама меня, наверное, уже хватилась. Мне пора.

– А ты придешь еще? – с надеждой спросил Слава.

Она наморщила нос, несколько раз шумно вдохнула, словно нюхала туман и кивнула:

– Приду. Завтра утром. Ну и ты приходи, хорошо? – неожиданно добавила она и посмотрела ему в глаза с едва заметной тенью улыбки.

Слава кивнул.

* * *

Туман тогда плотно засел в их деревне на несколько дней, и девочка действительно приходила каждое утро. У них было часа два, а иногда и три для того, чтобы поговорить. Ему стало чуть проще с ней общаться, а она перестала задаваться и постоянно называть его сумасшедшим, так что разговаривать стало легко и интересно. Ему даже казалось, что он знает ее очень давно, дольше, чем самых верных друзей. Им бы он никогда не поведал, как скучает о родителях, которых в сознательной жизни не видел ни разу, а ей вот доверился. Он рассказывал о школе, а девочка в ответ делилась сложными отношениями со старшей сестрой, которой все можно, и от этого она задается и дразнится. А еще обидой на родителей, что вечно заняты своими делами. Слава говорил, что хочет стать летчиком, потому что откровенно влюблен в небо, а она восторженно вздохнула описывая, как станет путешественницей и будет открывать новые земли и страны.

Колечко она подарила ему на пятый день. Незатейливое, из невзрачного серого металла, с гравировкой в виде растительного узора по внутренней стороне. Просто сняла с косички, где таких было заплетено еще десятка два, и отдала ему.

– На память. И тебе, и мне. Что все это, – она неопределенно обвела рукой пространство вокруг, – не привиделось, а было на самом деле.

– Скажешь тоже! – возмутился он, – как такое можно забыть?

– Всякое бывает, – пожала она плечами и, как обычно, ушла в белую пелену.

Ему только в тот момент показалось странным, что он так ни разу и не проводил ее до дому, чтобы наконец выяснить, где же она живет.

Всю ночь бушевал ветер, и следующий день выдался неожиданно солнечным и даже обещал стать жарким. Слава пренебрег своим обещанием перекопать сорняки на грядках «как только распогодится» и с утра опять побежал на реку, заблаговременно надев плавки. Сегодня наверняка они вдвоем и искупаться смогут.

Только девочка так и не пришла.

Никогда больше.

Слава попытался было пристать к бабуле, что за деревня находится ниже по течению, но она заявила, что там: «Почитай, верст на десять один лес». А на вопрос про девочку – откуда она тогда взялась – ответить не смогла.

– Как зовут-то ее, принцессу твою? – уточнила она.

И только тут Слава осознал, что так и не спросил ее имя и с невыносимой горечью понял, что потерял все шансы найти ее вновь.

Чудо коснулось его волшебным крылом и упорхнуло дальше, оставив рубец на сердце: образ девочки в волшебной серой дымке у берега реки то и дело всплывал у него перед глазами каждый раз, когда на улице шел дождь или висел туман.

Глава 2. Побег

Мир Славы рухнул резко и неожиданно.

Еще утром Бабуля, как обычно, стряпала что-то по хозяйству, когда он уходил в школу. В тот день пришлось задержаться – им перед грядущим ЕГЭ русичка вдруг после уроков решила дать тест.

После уроков Слава еще немного потусил с друзьями и пришел домой только к семи вечера. Его встретила соседка: наверняка выслеживала в глазок, когда он загремит ключами у двери. Выскочила и с плохо скрываемым непонятым удовлетворением заявила, что бабушку забрала скорая. У нее днем поднялась температура под сорок, и кашлять начала сильно. Ну вот соседка и посоветовала вызвать неотложку.

– А все потому, что без маски ходила! – с видом эксперта заявила она, задрав в небо узловатый палец с больным ногтем.

Сама-то соседка ковидом переболела в числе первых и, к счастью, довольно легко. Еще тогда, когда эпидемия только начиналась, и теперь, похоже, испытывала злорадство, когда вирус подкашивал кого-то из знакомых.

– В какую больницу? – растеряно спросил Слава, но та только отмахнулась. Дескать, ей почем знать.

Он срочно запустил старенький компьютер, купленный с рук практически даром – никакие игры на нем уже не шли, так что парень из старших классов отдал его за пять шоколадок. Славе же нужен был только интернет, так что ему этого старья хватало.

Поиск тут же подсказал телефон справочной, где можно было узнать про госпитализацию. По нужному номеру усталая женщина протараторила, что бабушку положили в третью больницу, на улице Маршала Воронова, и повесила трубку.

Это было где-то далеко, за московским вокзалом. Идти туда пришлось почти час, и когда он добрел до серого кирпичного здания, то к больным уже не пускали: часы приема закончились. Ему предложили положить передачу в коробку, но он пришел с пустыми руками. Как-то не сообразил.

Наутро Слава не пошел в школу, а сбегал в магазин и купил апельсинов. Зачем – он не знал, но во всех фильмах в больницы все непременно ходили с апельсинами. Вроде как в них полезные витамины.

На этот раз доехал до больницы на автобусе, чтобы точно успеть к началу приема.

Медсестра на входе долго сверялась со списками и наконец сказала: «А она ж в реанимации, да еще в инфекционном отделении. К ней нельзя! И передачи тоже пока нельзя. Вон, подойдите к врачу, узнайте о состоянии», – она кивнула на проходящего мимо усталого человека, лицо которого за маской и очками и разглядеть-то было невозможно.

Тот, уточнив фамилию, все так же устало, буднично и отрешенно сообщил, что бабуля не пережила ночь. Сердце было слабое. Не выдержало. Очень бурное развитие инфекции.

Слава медленно опустился на стоящий рядом стул. В коленях появилась такая слабость, что ему показалось, что он сейчас упадет. В голове внезапно организовалась звенящая тишина.

– Что же теперь делать? – растеряно спросил он.

Доктор вздрогнул и, кажется, только в этот момент разглядел, что разговаривает не со взрослым, а со школьником.

– Мама знает. Просто передай ей, – чуть смягчив голос, произнес врач.

– Мама умерла давно. Вместе с папой. Мы с бабушкой вдвоем жили, – пробормотал Слава.

Мужчина тяжело вздохнул. Снял очки, протер их салфеткой, поглядывая на Славу:

– Я передам органам опеки. Возвращайся домой, сиди и жди. К тебе придут и все расскажут.

Обратно Слава шел пешком, как во сне.

Жизнь перевернулась в один миг. На столе еще стояли пирожки, испеченные бабушкой, а ее уже не стало. Он остался один во всем мире. Больше у него не было никого. Слава почувствовал себя незащищенным, словно с него содрали кожу.

Дом тоже стал пустым и тоскливым. Сидеть в нем и ждать неизвестно чего было невыносимо. Слава со слезами на глазах смотрел на окружающие предметы, которые были просто пропитаны любимой бабушкой. Тут все кричало о ней, на что ни посмотри. Осознать, что единственного родного человека больше нет, что сейчас в двери не загремит ключ, и бабуля не войдет в квартиру с сумками, он до сих пор не мог. Сиротливые нелепые апельсины неловко лежали посреди стола, напоминая, что он с ней даже проститься не успел. Слава с трудом поборол желание вышвырнуть их в окно.

Опека. Что же с ним сделают? Помогут покупать продукты и готовить еду? Простые вещи Слава конечно и сам мог сварить...

И только в этот момент он со всей ясностью понял, что его отправят в детский дом.

Он когда-то читал рассказы человека, выросшего в этом заведении. Автор описывал свое детство как изощренный вариант ада. Славе и в самых страшных кошмарах не могло привидеться, что однажды он сам там окажется.

Славка прекрасно понимал, что будет в детском доме раздражающим чужаком. Все сироты росли в это убогом заведении с самого детства, а он такой сытый и ухоженный теперь заявится к ним за полгода до выпуска из школы. Его будут не просто ненавидеть. На нем отыграются за все то хорошее, что было в его жизни и не случилось в их.

К тому же драться он катастрофически не умел. Хоть росту в нем было все метр девяносто, и в строю на физкультуре Слава стоял вторым, да только все преимущества на этом и заканчивались. Его заслуженно обзывали фонарным столбом. Ни широкими плечами, ни накачанными бицепсами Славу природа не одарила. Свалить его при желании можно было легким толчком в грудь, чем многие и пользовались. Решать конфликты силой было отнюдь не его стратегией, а ведь в детском доме иначе ничего не работает.

Слава обхватил голову руками и застонал.

Главное, до совершеннолетия, когда он по закону вроде как имеет право жить один в этой самой квартире, ему осталось-то всего семь месяцев!

И тут в голове грянуло: нужно бежать!

Скрыться куда-нибудь на эти самые полгода! Срок-то небольшой! С квартирой вроде как все равно ничего не сделают за это время. Наследство, как им на общественном рассказывали, только через полгода и можно оформлять. Похороны... а что он может, несовершеннолетний, с этими похоронами? Государство одиноких умерших стариков вроде не бросает. Вот исполнится восемнадцать, и он найдет, куда бабушку похоронят, и устроит уже все как надо.

Всего семь месяцев.

«А как же школа, друзья?» – остановила его мысль, но Слава тут же горько махнул рукой: их он все равно лишится. Какое образование в детском доме? Друзей он и так больше не увидит. Можно считать, что его отправят в тюрьму до окончания школы. Нет уж! Лучше гулять на свободе. ЕГЭ вроде можно и через год пересдать, если что.

Обложиться учебниками и самому учиться все эти семь месяцев. Потом перед самым выпуском, когда в мае ему стукнет восемнадцать, он придет в школу и уже как-нибудь разберется с директрисой. Она у них человек понимающий.

Решено! Нужно уехать из города. Хотя бы в тот же деревенский дом, где он каждое лето жил. Печка там есть, так что зимой как-нибудь согреется.

Слава залез в сервант и вытащил бабушкин кошелек, куда она складывала пенсию. У него было неприятное чувство, как будто он ее грабит.

Денег оказалось даже больше, чем он ожидал. Слава прикинул в уме: если не шиковать и покупать только рис, макароны и иногда овощи – для витаминов – то ему до мая точно хватит.

Так как вернуться до лета домой вряд ли получится, то нужно было взять все теплые вещи сразу. Он достал огромный туристический рюкзак – по уверениям бабули, еще отцовский – и запихал туда все: от учебников и тетрадок до шапки, пуховика и нескольких пар обуви. Попробовал все это поднять и охнул. Далеко он с такой ношей не уйдет.

Пришлось вытащить пару книг, кроссовки, да и свитер взять только один, но самый теплый.

Рюкзак все равно был тяжел, но хотя бы транспортабелен.

Выходить из дома сразу было нельзя. На дворе уже стояла глубокая ночь, электрички уже не ходили, а школьник с огромным рюкзаком в районе вокзала в столь поздний час привлек бы внимание всех полицейских, которые только встретятся на пути. Но, с другой стороны, опека может прийти уже утром, и тогда сбежать уже не выйдет.

Слава поставил себе будильник на шесть утра. Вряд ли сотрудники социальных служб припрутся так рано. Только заснуть он так и не смог. Слава понимал, что совершает настоящее преступление. Его будут искать и, скорее всего, с полицией. Если поймают, то все станет еще хуже. Наверняка поместят в детский дом какого-нибудь строгого режима, чтобы больше не сбегал.

Весь остаток ночи Слава лежал на кровати, тупо смотрел в потолок и мрачно фантазировал, что в его плане может пойти не так. Выходило, что прожить эти семь месяцев одному было практически невозможным чудом. Но лучше попытаться что-либо сделать, чем сидеть и ждать приговора от опеки.

Утром он обернулся на пороге дома и с тоской оглядел родные стены. Бабуля говорила, что он родился в другом месте и в Нижний приехал с родителями, когда ему был годик. Никаких других городов Слава не помнил, и его родным местом была именно эта квартира. Теперь же он как будто с кровью отрывал от себя целый кусок. Отрезал на живую детство.

* * *

Как он мог сесть не в ту электричку, Слава так и не понял. Конечно, обе отходили с одной платформы. Как переученный левша он постоянно путал право и лево, так что, наверное, на автомате свернул на перроне не в ту сторону, и вместо бабушкиной дачи уехал зачем-то к черту на рога.

К тому же из-за бессонной ночи его сморило сразу же, как он плюхнулся на сиденье поезда. Проснулся он внезапно, как будто толкнул кто-то, и с удивлением уставился в окно. «Следующая станция Арзамас», – сказал бодрый женский голос под шипение закрывающихся дверей, и Слава дернулся. Как Арзамас? Какой еще Арзамас?

Вышел на вокзале незнакомого города в одиннадцать утра и сразу же подбежал к расписанию. Ну конечно: утренняя электричка обратно в Нижний ушла двадцать минут назад, а следующая будет только вечером. Ну и где ему мотаться весь день с огромным рюкзаком?

Хорошо, что на вокзале Арзамаса нашлась камера хранения. Платить за нее было немного обидно – не так уж у него и много денег, чтобы тратить их на глупейшие ошибки, но безвылазно сидеть на вокзале столько времени не очень хотелось. Кроме того, одинокий школьник, надолго застрявший в зале ожидания, наверняка привлечет внимание полицейского.

Поэтому Слава сдал рюкзак и отправился гулять до вечера по городу. Посмотрел на собор, который, к сожалению, был закрыт на реконструкцию, и побродил по главной площади. Вроде как время надо убить, город новый и незнакомый, а Слава за свою жизнь так вообще

впервые выбрался за пределы Нижнего, но почему-то его ничего не интересовало. Он только что порвал со всей привычной и размеренной жизнью. Всю ночь перед побегом его трясло от нервов, а теперь ходил по незнакомым улицам в полной апатии.

Поскорее бы добраться до дачи, лечь и заснуть. И проспаться, желательно до мая...

И тут его как ударом тока поразила мысль, что в полиции же совсем не дураки работают! Даже если не забьет тревогу опека, не обнаружившая его дома, то классная точно поднимет на ноги всех, если он без предупреждения долго не появится в школе. Полицейским же проверить собственность бабули – дело пяти минут. После того, как поймут, что Слава сбежал, то сразу же поедут на дачу и возьмут там тепленького. И привет, детский дом.

Выходило, что электричкой он ошибся совершенно правильно. Нельзя ему в Соримостово! Никак нельзя.

А куда тогда?

А хоть бы и в Арзамас. Только вот как найти крышу над головой? На гостиницу или съемную квартиру ему точно денег надолго не хватит.

Слава остановился посреди улицы и растерянно огляделся. Табличка на ближайшем доме гласила, что это набережная, но по другую сторону от домов за кустами и деревьями вроде как был обрыв и какое-то огромное зеленое поле без намеков на речку. Та то ли пряталась в высокой траве, то ли пересохла давно. Чуть дальше на углу стоял очень старый деревянный дом: огромный, пугающий темными провалами разбитых окон и высоченными – во все три этажа – деревянными рассохшимися колоннами. Покосившаяся дверь, которой, наверное, исполнилось лет сто, была приоткрыта. Вид у здания был немного странный и даже в чем-то страшно-ватый, может поэтому он и привлек внимание.

Слава подошел ближе и огляделся. Наверное, в девятнадцатом веке это была усадьба какого-нибудь генерала или купца. Для настоящего богача-аристократа дом был маловат, а вот для того, кто хотел пустить пыль в глаза, наворотив побольше вычурных элементов на фасаде относительно скромного здания – в самый раз. Разросшаяся за лето и ни разу не стриженная трава у высокого крыльца намекала, что сюда уже давно никто не заходил. Хлипкая деревянная дверь при ближайшем осмотре все-таки была заперта на замок, да только вот ушки были прикручены такими старыми и ржавыми шурупами, что отвалились сразу, как только Слава просто для порядка подергал за ручку.

Замок упал на крыльцо, а дверь открылась с противным скрипом.

Он огляделся. Место было достаточно укромное. Несмотря на то, что рядом шла улица, кусты сирени плотно закрывали крыльцо от посторонних глаз. Окна ближайших жилых домов выходили в другую сторону. Правда, оранжевая нарядная усадьба напротив стояла так, что ее обитатели могли видеть, кто заходит в старый дом, да только это явно казенное здание. Музей или что-то типа того. Человек в здравом уме свое жилище в такие дикие цвета никогда не покрасит: словно конфетный фантик. Такой лубок только для туристов делают.

Слава тихо прокрался внутрь деревянного дома.

Здесь было темно, тихо и пахло старой замшелой бочкой. Такое странное сочетание древнего смолистого дерева, пыли, земляной затхлости и старых прелых листьев. Коричнево пахло. С легкой серостью. Точно под цвет старых стен.

Покосившаяся некогда парадная лестница, шикарно поднимающаяся из центрального холла, казалось, рухнет в любой момент. А уж когда Слава осмелился на нее наступить, очень громко застонала.

Однако лестница выдержала и позволила подняться на второй этаж. Туда, где окна были целы и даже остатки интерьера кое-где сохранились: покосившийся шкаф, кривой столик, да топчан в одной из комнат. Мебель, безусловно, не девятнадцатого века, а восьмидесятых годов, советская, простая, практичная и достаточно прочная, чтобы не развалиться от старости.

Удивительно, что тут сохранились батареи. Старые, чугунные, но, вроде, целые, и, когда включают отопление, даже есть шанс, что они заработают. Если заклеить пленкой разбитые окна первого этажа, то зимой тут вполне можно жить.

Конечно, если соседи не заметят, что старый дом стал обитаем, и не забьют тревогу. Если он сможет найти тут воду и туалет. Если тут есть проводка и электричество, и никто не обратит внимание на свет в окнах зимними вечерами. Слишком много «если». Но выхода у него не было. Дом подвернулся уж больно удачно, так, словно сама судьба его подсунула ему под нос.

Честно говоря, Слава уже начал сомневаться в разумности своего побега. Он, привыкший к комфорту городской квартиры, плохо представлял себе жизнь в настолько спартанских условиях. Например, как сварить тут картошку или согреть чай? В чем? Как и где помыться? Без ванны он уже через месяц будет иметь столь бомжатский вид, что его любой патруль на улице остановит.

С другой стороны, Робинзон Крузо начинал и с меньшего. Может быть, дорогу осилит только идущий? Стоит начать тут жить и постепенно осваиваться, а не сразу сдаваться и отправляться в приют?

Вот только почему это лакомое место не заняли местные бомжи? Вряд ли Арзамас настолько уникален, что напрочь лишен бездомных.

Первым делом он сходил на вокзал и за час, делая по пути остановки, чтобы отдышаться, припер в дом рюкзак. После того, как он достал несколько вещей и положил в шкаф, комната на втором этаже стала выглядеть чуть более жилой.

В местном хозяйственном магазине он по дешевке купил скотч и немного пленки, чтобы заклеить окна.

Свет в доме был. Телефон довольно пиликнул, когда он воткнул в старенькую черную розетку зарядник. Ни одной живой лампочки Слава, правда, не нашел. Пришлось еще потратить астрономическую сумму, равную двум неделям пропитания, чтобы купить маленькую электрическую плитку, небольшую кастрюльку и чайник.

Конечно, был соблазн поесть в столовой. По пути он уже приметил подходящее заведение в конце улицы: Кафе «Конек горбунок». Да только тогда он даже до зимы не доживет: деньги кончатся. Вариант общепита Слава пока оставил на крайний случай, если уж совсем прижмет жрать один рис да доширак.

Вода в доме тоже нашлась, но исключительно холодная. На трубе, вероятно, когда-то болтался смеситель, но теперь она заканчивалась просто ржавой резьбой. Однако он наловчился крутить кран, перекрывающий воду в стояке, и тогда из трубы начинала хлестать в раковину вода. Мыться здесь было негде, но вскипятить чай он смог.

К вечеру ему удалось побороть часть бытовых проблем и даже кое-как поужинать растворенной кипятком лапшой. Варить что-либо он пока не решился. Плитка все это время работала, но пока исключительно как обогреватель. Хоть сентябрь выдался и слишком холодным, но батареи пока не включили, так что перед сном Слава надел на себя всю теплую одежду, что нашел в рюкзаке. Завалился эдаким колобком на топчан и тут же заснул.

Глава 3. Отражение

Говорят, на новом месте всегда снятся особенные сны. Слава читал, что девушки так даже раньше гадали на женихов. Сон в эту ночь у него действительно был странным. Первую половину его мучали кошмары, и он периодически выныривал из сновидений в какую-то мучительную дремоту. Один раз ему приснилось даже, будто его вывернуло наизнанку. Не буквально, мясом наружу, а как-то иначе, но чувство было очень тошнотворное. Слава мучился, пока не решил нарочно «приснить» себе что-нибудь хорошее и волшебное. Сначала вообразились всякие вкусности из «Конька Горбунка», но их он отогнал прочь. Зачем себя дразнить? Потом, видимо под влиянием названия кафе, вспомнилась сама сказка, Жар-птица, и Слава насочинял себе ее перо.

Было у него такое странное умение: вызывать сны по заказу. Если что-то очень хотел увидеть ночью, то оно обязательно появлялось. Собственно, этим он обычно и спасался, потому как повседневная жизнь его, как правило, подарками не радовала. Зато во снах Слава регулярно устраивал себе захватывающие приключения. Мог по желанию стать капитаном брига, научиться летать как птица или скакать по бескрайним прериям на стремительном мустанге.

Сейчас он просто хотел что-нибудь красивое, доброе и волшебное. Ну и чтобы согрело хоть как-то, ибо в доме ночью было все-таки слишком холодно.

Вот ему и приснилось перо Жар-птицы. Только почему-то оно было не огненных оттенков, а сине-розовых. По размеру гораздо скромнее, чем в мультфильме, и чем-то напоминало воронье, только намного шире, зато переливалось в руках как краска «хамелеон» на автомобиле: от пастельно розового через голубые и зеленые оттенки в глубоко фиолетовый. Еще иногда сыпало сиреневыми искрами, и от него действительно исходило приятное тепло.

Во сне Слава стоял в волшебном светящемся голубым лесу, который сотворил своей фантазией, и вертел волшебное перо в руках и так, и эдак, стараясь получше запомнить этот момент. Неожиданно кто-то вырвал чудо из его руки. Возникшая маленькая фигурка в черном капюшоне стремительно выскочила из-за спины, выхватила перо, а самого Славу ткнула тонким пальцем в лоб: «Просыпайся!»

Он действительно мгновенно вывалился из сна в реальность. За окном уже светало. Наверное, было часов пять или шесть утра. За ночь плитка более-менее все-таки нагрела закрытую комнату и ночного холода уже не ощущалось, но приятного тепла волшебного перышка все равно было жаль. Да как она смела?! То, что это была женщина, сомнений не вызывало: пробудивший его голос точно был не мужским.

Слава зажмурился, постарался успокоиться, снова вообразил себе волшебное перо и действительно тут же задремал.

Он опять оказался в том же лесу и увидел сияние в руках фигуры в темном плаще с капюшоном. Незнакомка стояла к нему спиной, спокойно разглядывала добычу и не услышала, как Слава подкрался сзади.

– Отдай! – воскликнул он и выхватил перо из тонких пальцев точно так же, как минуту назад поступили с ним. – Это мое!

Женщина в капюшоне утробно зашипела, как это умеют делать, пожалуй, только рассерженные кошки, и собралась, как перед прыжком.

Славе показалось, что она сейчас вопьется ему в лицо своими когтями, он испугался по-настоящему, дернулся, чтобы отскочить подальше и... опять проснулся.

Некоторое время он лежал и моргал, глядя в потолок, гадая, что за странная игра света отражается на старых досках. Вроде уже утро, и фары проезжающих мимо автомобилей не должны давать такие отсветы. Да и на улице тихо, и машин нет. Он опустил взгляд и с удивлением уставился на светящееся сине-розовым перо на груди.

Сначала он подумал, что еще спит, и поэтому лежал, не двигаясь, стараясь не вспугнуть чудо. Потом он страшно захотел в туалет и даже расстроился, что вот сейчас-то точно проснется, но перо категорически отказывалось исчезать.

Слава сел на топчане, и светящееся чудо спорхнуло с его груди на грязный пол. Медленно, словно невесомая снежинка.

Он поднял перо и ошарашенно прошел с ним в сортир. Почему-то ошибся направлением, хотя вчера, казалось бы, уже выучил, что где. Пришлось вернуться и внимательно осмотреть коридор. Старый допотопный унитаз непонятно с какой стати оказался не там, где раньше.

Смыва у местной сантехники не было – для этого приходилось бегать и наполнять небольшую кастрюльку водой несколько раз. Все это время Слава никак не мог поверить, что действительно проснулся. Только когда споткнулся и больно приложился плечом о дверной косяк, окончательно удостоверился, что сон-то уж точно кончился, а вот чудо – нет. Перо все это время так и торчало из кармана.

При дневном свете оно, конечно, светилось не так впечатляюще, но все-таки эффект был очевиден. Да и тепло от него исходило нешуточное.

Такого просто не могло быть.

Слава для порядка преобильно ущипнул себя пару раз, но проснуться никак не получалось. Перо было на месте.

Откуда оно вообще берет тепло? Ядерная реакция?

Слава остановился. Странное синее свечение и ощущение тепла... может, штука действительно радиоактивная? Тогда ему конец. Он с ней в обнимку спал и уже нахватался там этих кюри-звертов или в чем там дозы измеряют.

Хотя ядерное перо было еще фантастичнее, чем просто «жарптицево».

«Может, у меня галлюцинации. Небось тут в доме где-нибудь ядовитая плесень проросла, вот и не живет никто, а я за ночь надыхался и теперь глюки ловлю», – неожиданно подумал он.

Это бы все объяснило. Только действие таких веществ, как ему казалось, должно проявляться как-то более масштабно, чем просто сиротливо лежащее на топчане перышко.

Тут заявил о себе забитый до этого нервами голод. Желудок заурчал и непрозрачно намекнул, что надо бы поесть. Где-то на столе возле плитки должны были стоять пачки с лапшой и растворимым пюре. Слава уже почти привычно повернулся к ним и уставился на стену. Плитка и стол оказались позади него.

«Странно», – сказал он вслух.

Он точно знал, что его импровизированная кухня была по левую сторону от топчана, а не по правую. Слава припомнил, как вчера доел лапшу, поставил банку на стол левой рукой и завалился спать. Сейчас плитка стояла с другой стороны.

Он постарался вспомнить обстановку остального дома. Был ли туалет действительно слева по коридору или все-таки справа?

В растерянности Слава включил чайник и взял в руки пачку с растворимым пюре, чтобы прочитать, сколько воды в него надо лить, но та оказалась бракованной. Из-за дурацкого типографского брака все буквы были зеркально отражены. Прочитать сходу ничего не получилось.

В раздражении он поставил банку обратно на стол и тут замер.

Слишком много совпадений.

Слава отключил от зарядки мобильник и посмотрел на экран.

Тот тоже был как из зазеркального мира. Ничего не разберешь. Слава поднес его к стеклу окна и только там в отражении смог увидеть, что сейчас восемь утра.

Улица тоже преобразилась. Оранжевая усадьба была теперь не правее, а левее, а кусты сирени переползли на другую сторону крыльца.

«Это точно отравление!» – понял он и сел на кровать, вслушиваясь в свои ощущения, но ничего необычного с организмом не происходило. Только кушать очень хотелось.

Чайник забулькал и с громким шелчком выключился. В окружающей тишине это прозвучало так громко, что Слава вздрогнул, на автомате вскрыл банку с пюре, налил туда кипятка на глаз, размешал одноразовой ложкой, зачерпнул дымящуюся пюрешку и... тут же выплюнул. Та и на вкус, и на запах отдавала болотной тиной.

Он посмотрел на дату изготовления, чертыхнулся, подошел к окну и проверил в отражении. Нет, все в порядке. Испортиться должно было только через год. Надо же, совсем совесть потеряли, такую гадость людям продают!

Он выкинул банку с пюре в пластиковый магазинный пакет, который временно играл роль мусорки и пододвинул поближе последнюю пачку с лапшой.

Он помнил, что яркая этикетка обещала божественный вкус говядины, потому что вчера вечером съел точно такую же. От говядины там, конечно, только запах каких-то нажористых химикалиев присутствовал, но есть было можно. А если голоден, так лапша и вовсе была кулинарным шедевром.

Он налил кипятков и в эту банку и стал ждать, пока лапша разбухнет, однако быстро понял, что опять что-то пошло не так. Аромат был настолько далек от вчерашней говядины, что больше походил на смесь ацетона и еще какой-то ядреной бытовой химии.

Превозмогая отвращение, Слава все-таки дотронулся языком до получившейся жижи и тут же выплюнул гадость. Это точно нельзя было есть.

«Да что же это такое-то?» – в сердцах воскликнул он и растерянно уставился в окно. Машинально посмотрел на наручные часы – потрепанные жизнью, но массивные, надежные и механические. Бабуля говорила, что отцовские, поэтому Слава носил их, не снимая – благо, они выдерживали и удары, и погружение в воду.

Пол девятого.

Стоп!

Он заново уставился на циферблат. Тот был не отзеркален. Ночью изменился весь мир, но только не его часы. Почему?

Почему стала ужасной вся еда? Она что, испортилась за одну ночь?

Что вообще произошло?

Он начал ходить кругами по комнате, как лев в клетке.

Что испортилось: мир или он сам? Однозначно нужен был кто-то еще, кто сказал бы, например, нормальная это еда или нет.

Слава медленно оделся, все пытаясь сочинить гипотезы того, что произошло ночью, но ничего лучше, чем то, что его похитили инопланетяне и провели над ним странные эксперименты, не придумал. Сунул за пазуху теплое синее перо – оставлять его в незнакомом доме совсем не хотелось – и вышел на улицу.

Самым простым способом проверить теорию насчет еды был «Конек-Горбунок». Слава вошел в пустое кафе, где только какие-то цыганки с большим аппетитом уплетали блинчики. Подходить и спрашивать у них он побоялся, поэтому сел за столик, дождался официанта и произнес: «Мне вот то же самое, что они едят». Он уже заметил, что лежащее на столе меню тоже написано отзеркаленными буквами, так что разбираться в нем не хотел.

Спустя десять очень нервных минут молодой официант принес блинчики с абрикосовым вареньем. То есть это он так сказал. Абрикосом оно не пахло. Сами блины воняли откровенной тухлятиной, а у джема был странный, но приятный цветочный аромат. Слава с удовольствием соскреб его с испорченных блинов и съел. Сладкий, необычный на вкус, но вполне съедобный.

Само блюдо выглядело точно так же, как и у цыганок. Значит, проблема не в окружающем мире. Испортилась не еда, а он сам. Ночью что-то произошло, и теперь он все видит зеркально, а его вкусовые и обонятельные рецепторы изменились. Как при ковиде у людей

отбивался запах, а тут что-то похожее, только и вкус, и аромат теперь воспринимались иначе. Может он действительно просто заболел? Жара он не ощущал, но вдруг тот придет позже?

Странно, но паники не было. Почему-то произошедшее казалось частью какого-то квеста или розыгрыша, включавшего беготню от гипотетически ищущей его полиции и поиск нового жилья. Теперь еще и мир испортился. Как будто все это можно выключить, отказаться от приключения и в любой момент вернуться в нормальность. Сдаться в детский дом, и тут же все станет обыденным и скучным. А пока... пока это настоящее приключение с реальными чудесами. Он заглянул за пазуху, и перо подмигнуло ему теплым синим светом.

Слава кивнул официанту и передал тому пятьсот рублей. Завтрак стоил всего сто пятьдесят, так что нужно было дождаться сдачи. Парень убежал к кассе, но тут же вернулся:

– А что это вы мне за фигню дали? – он кинул на стол пятисотрублевку.

– Как что? Деньги, – растерянно сказал Слава, и в ту же минуту до него дошло.

Для него самого бумажка выглядела совершенно нормальной. Значит, для официанта-то купюра была отзеркалена!

– Это не деньги, а билет банка приколов какой-то, – нехорошо ухмыльнулся парень.

Слава лихорадочно соображал: он спал в джинсах, где в кармане лежала эта пятисотка, и она не изменилась. Часы на руке тоже остались прежними. Вся одежда на нем, между прочим, тоже не отразилась в неведомом магическом зеркале. Изменилось все, что было вовне. Значит, остальные деньги в кармашке рюкзака должны выглядеть для всех совершенно нормальными. Вот только кто его из кафе выпустит, чтобы за ними сбегать?

– Извини, перепутал, – смущенно сказал он, – братишка пошутил. Подменил деньги. Можно я домой схожу, принесу нормальные?

Официант с сомнением покачал головой:

– Я тебя в первый раз вижу. Ты не местный, а турист заезжий. Сядешь в автобус и уедешь со своей группой. Знаю я вас. А у меня из зарплаты вычтут.

Слава напряженно думал: паспорт тоже в рюкзаке. В залог не оставишь. Разве что... Он выложил на стол свой кнопочный телефон.

– Вот. Я оставлю в залог.

– Это старье? – хмыкнул парень. Действительно, это был даже не смартфон, к которым тот привык.

Слава включил экран и показал официанту:

– Видишь, работает и звонит. Стоит он явно дороже полтора ста рублей. Я схожу за деньгами и вернусь, а ты отдашь мне телефон.

Парень почесал в затылке. Слава добавил для убедительности:

– Ну а какие еще варианты? Полицию звать? Она, что ли, тебе за меня заплатит? Думаешь, они из-за такой суммы серьезно что-то делать будут?

Официант подумал, поморщился и махнул рукой:

– Давай, только быстро. Я подожду.

Телефон, однако, взял и сунул в карман.

Слава побежал в старый дом. На улице неожиданно начался мерзкий дождь, какой бывает только осенью: настолько мелкая морось, что не поймешь, туман это или осадки. Плюс ветер в лицо. От такой погоды никакой зонт или капюшон не спасет. Лицо тут же стало мокрым. Благо бежать было близко – за пять минут можно туда и обратно уложиться.

Слава заскочил в дом, мигом взлетел по скрипучей лестнице и недоуменно уставился на выпотрошенный рюкзак и парочку, что копалась в его вещах.

Глава 4. Беска

Сначала он решил, что это бомжи, воспользовавшиеся его отсутствием, но тут мужчина обернулся на шум, и Слава понял, что здорово ошибся. Щегольские подкрученные вверх черные усики и аккуратно уложенные на пробор темные волосы никак не могли принадлежать бездомному бродяге.

Мужчина примерно лет тридцати, среднего роста, пропорционального, спортивного, но не богатырского телосложения скорее походил на гимнаста, чем на качка или борца, но шансов в драке против него у Славы все равно никаких не было. Незнакомец одевался даже в чем-то щегольски: темные брюки в тонкую светлую полоску и коричневая кожаная жилетка поверх белой рубахи с необычным большим воротом.

Неизвестный тихо присвистнул, оценивая неловкость возникшей ситуации, и тогда обернулась и его миниатюрная напарница.

По сравнению со Славой, девушка выглядела как Дюймовочка. Под мешковатой черной шелковой рубахой и свободными такими же темными брюками угадывалось очень худенькое, гибкое и юркое тело. Тонкую опоясанную широким кожаным ремнем талию Слава, наверное, смог бы охватить пальцами обеих рук. Темные волосы незнакомки были пострижены коротко, и, хоть и были уложены в какое-то подобие каре, но все равно своим легким хаосом напоминали скорее мальчишечью прическу. С узкого острого личика на Славу зло уставились два огромных глаза, густо и некрасиво подведенных черными тенями.

Девушка достаточно громко шепнула напарнику:

– Это он!

– Я сейчас полицию позову! – стараясь, чтобы прозвучало уверенно, сказал Слава и попятился к лестнице.

Девушка повернулась к мужчине и, приподняв бровь, выжидаяще на него посмотрела, но тот только еле заметно улыбнулся уголками губ, демонстративно сложил руки на груди и остался на месте, якобы не замечая ее молчаливую просьбу сделать хоть что-нибудь.

Слава уже готов был броситься вниз по лестнице, но незнакомка нервным движением откинула за ухо болтающуюся у глаз прядь, а он невольно проследил глазами за ее тонкими пальцами.

Время чуть замедлилось, и в воздухе мгновенно разлилось трепетное ожидание чуда и пронзительное предчувствие неясного пока волшебства. Он замер. Теперь Слава не сбежал бы, даже если незнакомка направила на него оружие.

Это ушко нельзя было перепутать ни с чьим другим. То самое, напрочь лишенное мочки, что навсегда врезалось в его память после нескольких дней наедине с незнакомой девочкой на берегу реки семь лет назад. Да и голос... он уже был скорее не малиновым, а багровым, но все равно сохранил свою волшебную глубокую бархатистость. Слава пытался вспомнить его столько лет!

Все сошлось! Огромные глаза цвета болотной воды, темные волосы, голос и странные уши. Разве что тогда она казалась старше его, а сейчас он не дал бы ей больше шестнадцати.

Без сомнений, это была та самая девочка, что оставила в памяти настолько светлый след, что, спроси кто Славку о самом счастливом воспоминании из детства, он, не колеблясь, назвал бы те самые три дня, когда сидел в тумане на берегу рядом с таинственной незнакомкой.

Спустя столько лет он начал даже сомневаться, а не являлась ли девочка плодом его развитого детского воображения? И тут вдруг она появляется вживую. Реальная, настоящая...

Славка от неожиданности даже вслух произнес:

– Это ты?!

Девушка вздрогнула и стремительно развернулась в его сторону.

– Где перо? – прищурившись, спросила она после небольшой паузы, в течение которой внимательно оглядела его с ног до головы.

– Ты меня не помнишь? Шесть лет назад. На берегу реки. Мы сидели между стволов ивы и разговаривали? – спросил Слава, надеясь, что теперь-то она его точно узнает.

Мужчина с интересом поглядывал то на него, то на свою партнершу. Ситуация его явно забавляла. Девушка же почему-то сразу помрачнела и как-то нехорошо напряглась.

– Мы были знакомы? – подозрительно холодно спросила она.

Слава кивнул.

– И как меня тогда называли? – тут же быстро спросила она и еще больше прищурилась, внимательно ожидая ответ, как будто он был для нее жизненно важен.

– Я не знаю... – растеряно произнес он, – ты так и не сказала.

– Тоже мне... знакомый! – разочарованно протянула она и отвернулась.

– Вот! – он поторопился вытащить из-под ворота водолазки шнурок с колечком. – Ты подарила на память. Сказала, что это поможет нам не забыть все, что было тем летом!

Мужчина опять присвистнул:

– А про женишка ты мне не рассказывала! Хотя, как я вижу, для тебя это не меньший сюрприз.

Уши девушки вспыхнули пунцовым.

– Врет он все! – поморщилась она и твердо спросила. – Где перо?

– Ах, так это ты залезла в мой сон?! – наконец понял Слава.

– Да! А вот как ты в него снова попал, когда я тебя выкинула, вообще понять не могу! Это же невозможно! Немыслимо! – девушка экспрессивно и возмущенно взмахнула руками.

– Ну я умею «снить» себе то, что захочу. Ты меня так разозлила, что я решил вернуться. А откуда ты знаешь, что перо из сна стало реальным?

– Потому что ты вырвал его у меня из рук в момент материализации! Это значит, что ты должен был проснуться с ним в обнимку! Где оно?

– Так вот почему... – произнес он и задумался. Чудо начало обретать логичное объяснение. На всякий случай он уточнил:

– А мир отразился тоже из-за тебя? Это ты меня как-то прокляла?

Девушка непонимающе нахмурилась, а мужчина скрестил руки на груди и переспросил:

– Что значит отразился?

– Ну все поменялось слева направо, как на отражении в зеркале. Для меня все надписи теперь зеркальные, в доме все не на той стороне расположено, и еда еще вдруг стала такой, что в рот ничего взять не могу. Как будто испорченная.

– Где перо? – с нескрываемой угрозой в голосе спросила девушка, напрочь проигнорировав его слова.

Оно как раз грело Славу под свитером. В принципе, волшебный артефакт ему не особо был нужен. Это, конечно, удивительное доказательство, что чудеса случаются, но не более того. Девушка же явно знала, зачем и куда его применить, так что он был готов отдать перо, но сначала хотел получить ответы.

– Зачем оно тебе?

– Не твое дело! – зло огрызнулась она.

– Ну тогда ты ничего не получишь, – заявил он и скрестил руки на груди, повторив позу мужчины.

Девица в ярости утробно зашипела, как кошка, и огляделась по сторонам в поисках чего-нибудь тяжелого, чем можно было врезать по этой наглой роже.

– Предлагаю сделку. Объясни, что со мной произошло, и как от этого избавиться, тогда отдам перо, – пошел на компромисс Слава.

– Это запросто, – тут же быстро выпалила она. – Ты, как дурак, залез в дом, которого даже бродяги сторонятся. Скорее всего никто из тех, кто тут ночевал, не выжил. А глупый и неосторожный мальчик стал очередной жертвой зазеркальника, который охотится в этом месте. Нападает он всегда по одному сценарию: отзеркаливает жертву, инвертируя в том числе хиральность аминокислот и всех белков в теле, и все...

– Что инвертируя? – не понял Слава. – Хиральность?!

– Совсем глупый, да? – вздохнула она. – Он меняет направление, в которую белки в твоём организме закручены. Те, что были по часовой стрелке, становятся – против. Так как один из них – миозин – напрямую влияет на мозг, в том числе на ориентацию в пространстве, то в результате для тебя все выглядит так, как будто весь мир отразили в зеркале. На самом деле у тебя внутри поменяли ось симметрии. Теперь ты вообще не можешь потреблять в пищу белки.

Девушка заметила пренебрежительное равнодушие Славы к произнесенным словам и пояснила:

– Если будешь умницей, то станешь жрать только углеводы и жиры и протянешь хотя бы годик. Без белков организм не сможет восстанавливать мышцы и постепенно наступит дистрофия. Рано или поздно сил не останется даже чтобы вздохнуть, и ты умрешь. Если решишь делать глупости и будешь жрать мясо и иную белковую пищу, то скопытишься быстро, так как она для твоего организма яд и канцероген. Твое тело не умеет расщеплять неизвестный ему закрученный не в ту сторону белок с неверной хиральностью. В этом случае и пары недель не протянешь. Либо печень сдохнет, либо стремительный рак убьёт.

Вот теперь Славе стало страшновато. Хотя у него еще было ощущение, что это все не на самом деле, как будто он до сих пор во сне и, когда станет совсем жутко, то проснется, и все.

Девушка тем временем продолжила запугивать:

– А зазеркальник все это время будет следить за тобой, оставаясь невидимым в своем измерении и ждать, когда ты ослабнешь настолько, что он сможет тебя высосать. Эта тварь охотится, как паук. Когда ты от усталости рукой пошевелить не сможешь, он материализуется и впрыснет под кожу свой желудочный сок, который растворит все органы, а затем высосет тебя, как коктейль, через трубочку. Со здоровым человеком-то ему не справиться. Поэтому он и выбирает бездомных, которые будут умирать в одиночестве. Он не самая тупая зверушка и очень трусливая. Кое-что понимает и свое существование старается не афишировать. Хотя зазеркальник неплохо защищен. Его нельзя убить сталью – только живым оружием: зубами, когтями, кулаками.

– А что же мне делать? – растеряно спросил Слава.

– Ну можешь грязью обмазаться, – пожал плечами девушка.

– Это поможет? Он грязи боится?

– Нет, просто надо начинать к земле привыкать. Все равно на кладбище окажешься до следующей осени. Считай, что ты уже проглотил яд, от которого нет спасения, и твой организм начал разрушаться. Можно только максимально оттянуть конец, – она ухмыльнулась. – Но я бы на твоём месте естественного конца ждать не стала. Такой смерти, когда чувствуешь, как органы растворяет зазеркальник, врагу не пожелаешь, – девушка протянула руку. – А теперь гони перо. Ты обещал! Я выполнила свою часть сделки.

Слава, все еще находясь в шоке, как во сне, вытащил синее светящееся чудо из-под свитера и протянул девушке. Та быстро и нетерпеливо схватила перо и, наконец, улыбнулась, продемонстрировав мелкие белые зубки.

– Все, уходим, – заявила она мужчине, – а то дождь вот-вот кончится.

– Возьми меня с собой! – попросил Слава. Мысль появилась неожиданно даже для него самого.

– На кой ты мне сдался? – фыркнула она.

– Но я же тут умру! Здесь никто не знает про зазеркальника и не сможет помочь. Раз ты в курсе, то может и управу на него подскажешь.

– Нет от него средства! И мне наплевать, что с тобой будет, – пожала она плечами, обогнула растерявшегося Славу и пошла к лестнице.

– Ты идешь? – спросила она своего напарника, чуть повернув голову и продемонстрировав свой идеальный профиль.

– Нет, – спокойно ответил тот, не меняя позы.

Девушка вздрогнула и обернулась. Лицо у нее было растерянное и немного испуганное.

– То, что у тебя, как и у меня, нет сердца, я давно привык, но, оказывается, у тебя еще и мозг отсутствует. Вместо него в голове одна слепая ярость, а это уже опасно и ставит под удар наше дело и меня лично. Потому что совершенно непредсказуемо, что ты выкинешь в следующий раз. Так что сейчас наши пути расходятся, – обладатель щегольских усиков говорил серьезно, но в уголках глаз собрались еле заметные лукавые морщинки. Слава понял, что он притворяется, потому что в голосе звучали золотистые нотки юмора, а вот девица явно восприняла все всерьез.

– Ты что, собираешься подбирать всех встреченных по дороге бездомных котят? – удивилась она.

– Я и говорю – мозг отсутствует. Одни эмоции. Парень сказал, что умеет «снить» себе все, что захочет, а ты, воровка из снов, бросаешь его умирать? Ты точно хорошо подумала?

Девушка смутилась. Слава не понимал, что происходит, но было очевидно, что ее только что макнули мордочкой во что-то неприятное по самые ушки. Но хотя бы для мужчины Слава представлял некую ценность. Непонятно только, какую.

Она посмотрела на Славу с легкой тенью вины:

– Ладно. Пойдешь с нами. В конце концов, зачем-то же я тебе это колечко подарила, – кивнула она.

– А ты что, совсем ничего не помнишь? – поразился он.

– То была не я, – холодно отрезала девушка и спросила напарника: – теперь все в порядке?

– Почти, – улыбнулся мужчина и протянул Славе руку, – Авантюрист.

– Э...э... Слава. Всеслав, – он немного растерялся от странного имени и пожал крепкую сильную ладонь.

– Ты серьезно называешь родовое имя первым встречным? Нет, ты точно сумасшедший. Мало того, что забрел в необитаемый дом и привлек к себе всю потустороннюю живность, так еще и...

– Ты это уже говорила. Шесть лет назад. Еще твердила, что я так и до двенадцати лет недоживу. Однако вот, мне уже семнадцать.

– И умер он совсем молодым, но уже таким больным, еле-еле дотянул до совершеннолетия, – с притворным издевательским сочувствием произнесла она. – Давайте пойдем быстрее, а то дождь кончится, и я застряну в этой дыре неизвестно насколько.

– А тебя как зовут... то есть называют?

Девушка не ответила. Развернулась и побежала вниз по скрипучей лестнице.

– Беска, – сказал мужчина, проходя мимо него.

– Это имя такое? – спросил Слава.

– У меня нет имени, – крикнула снизу девушка, – Беска – это прозвище, которое Авантюрист и придумал.

Слава с тоской посмотрел на разбросанные по полу вещи, понимая, что собрать их ему точно не дадут, быстро забрал из кармана рюкзака паспорт с деньгами и побежал вниз, догонять странную парочку.

– А почему нет имени? Разве такое возможно? – спросил он уже на крыльце.

– Потому что я не человек, а ходячая кукла вуду. Призванный демон. Таким имена не дают – мы расходный материал. Выполнил задание и исчез. Зачем нас запоминать? – агрессивно ответила она.

Авантюрист подошел к Беске и положил девушке ладонь на плечо. Она схватила Славу за руку, шагнула с крыльца под морозящий дождь, и тут же Славу неожиданно сильно дернуло за руку, он почувствовал, что падает, и в тот же момент оказался среди старых стен незнакомого города.

Глава 5. Копенгаген

Почему-то Слава ожидал, что попадет в волшебный мир, но высокие кирпичные стены хоть и выглядели непривычно, но на сказку походили мало. Он отчаянно завертел головой по сторонам, стараясь разглядеть как можно больше подробностей, но пустая огороженная кирпичным забором заброшенная и скучная территория бывшей фабрики ничем привлекательным похвастать не могла. В этом месте тоже шел дождь: такой же мелкий, противный и очень холодный, но хотя бы без ветра.

Беска тут же нырнула в какую-то дверь, все еще настойчиво таща Славу за руку. Внутри он понял, что со сказочными мирами придется подождать. Они попали в пустое здание старого завода. Вслед за девушкой Слава прошел по шатким металлическим мосткам над руинами цеха и оказался в комнате, которую ранее, наверное, занимало местное начальство. Относительно комфортный по меркам завода кабинет с огромным панорамным окном в зал со станками. Вместо выбитого стекла теперь комнату от цеха отделяли много повывавшие на своем веку тяжелые потертые зеленые портьеры, варварски приколотенные к стене огромными гвоздями.

Не обращая на Славу внимания, девушка схватила с одной из полок алюминиевую миску, плеснула из пятилитровой бутылки воды, положила на дно маленькую черную пирамидку и аккуратно, словно великую драгоценность, водрузила на ее вершину перо. Некоторое время напряженно смотрела, как оно медленно под действием незначительных движений воздуха сползает с пирамиды и плывет по поверхности воды к краю миски.

Слава и так знал, что ничего не выйдет. С точки зрения его цветового восприятия, картинка была негармоничной, словно Беска пыталась смешать красный, голубой и желтый. Без дополнительных цветов это никак не должно было сочетаться.

Девушка раздраженно выругалась:

– Леший тебя задери! Не работает!

– Конечно, а что ты хотела? Сама же говорила, что нужно минимум четыре артефакта, а может и больше. Плюс еще сам рецепт активации прибора ты так и не нашла. У тебя пока только два нужных компонента, – спокойно ответил Авантюрист, хотя сам тоже наблюдал за экспериментом с некоторым напряжением.

У Славы была куча вопросов, но он понимал, что ему вряд ли ответят, но самое волнующее он все же спросил:

– А как мы сюда попали? И где мы вообще?

Беска, повернувшись к мужчинам спиной, зло смотрела в стену, крепко сжав кулаки, и проигнорировала вопрос. Ему показалось, что она даже шепчет что-то: либо молится, либо пытается унять злость, чтобы не выплеснуть ее на остальных.

– Это, мой юный друг, Копенгаген. Город дождя. Лучшее место для базы, – хлопнул его по плечу Авантюрист. – До этого мы пытались выжить в какой-то чудовищной индийской дыре, где постоянно хлещут ливни, но там было абсолютно невыносимо. Их еда однозначно не предназначена для моего желудка. В Копенгагене хоть и случается всего несколько солнечных дней в году, но жизнь куда меньше похожа на ад. Бывал хоть раз в Дании?

Слава отрицательно помотал головой.

– Ну если вдруг, к несчастью для нас, выглянет солнце, то сможешь погулять по городу, а пока у нас много работы.

– Но как? Мы же были в Арзамасе. Дания... это сколько же километров?

– Вот значит, что это за дыра была, – вздохнув, сказала Беска, – это мы там, в Арзамасе с тобой в детстве познакомились?

– Нет. В деревне под Нижним. Соримостово называется. Ты приходила на берег реки и говорила, что живешь неподалеку. Но как только развеялся туман, с ним исчезла и ты.

Беска уже успокоилась и присела на край стола, покачивая одной ногой в воздухе, но все еще предпочитала смотреть куда-то в сторону:

– Значит, я тогда не умела еще далеко перемещаться, если проходила только через туман. Покажешь потом то место? – она наконец повернулась к Славе. Глаза у нее были такие же злые и прищуренные, как и несколько минут назад, во время их знакомства, но на последних словах в них все-таки промелькнула тень грусти.

– Конечно! – Слава для уверенности еще и несколько раз кивнул. – А все-таки, как мы сюда попали?

– Отразились в капле и скользнули в дожде через грани миров. Не важно, не думай об этом. Ты все равно так не сможешь.

– Люди дождя! Значит, я их не придумал! Вы реально существуете! – воскликнул он.

– Что за чушь?! Какие еще люди дождя?

– Те, что приходят во время ливней и забирают свое. В общем, то, что плохо лежит, – почему-то смутился он.

– А... забрать то, что плохо лежит – это на меня похоже. Ты их тоже там видел, в своем... как там ты то место назвал?

– Соримостово. Да, там. Только не был уверен, что действительно видел, а не выдумал в детстве.

– Забавная деревушка. Надо будет заглянуть, – задумчиво произнесла она, покачивая ногой и вдруг словно опомнилась. – Авантюрист, что там по чаше?

– Да этих древнеегипетских кружек, как у дурака фантиков, – фыркнул тот. – По всем музеям мира растасканы. Ты, дорогая, все-таки уточни: какая именно тебе нужна.

Славу покорило это «дорогая». Сказано вроде в шутку, но он уже понял, что этот человек под видом юмора выдает вполне серьезные вещи, и наоборот. Интересно, какие у них с Беской отношения?

Конечно, у него против этого мужчины вообще не было никаких шансов. И речь не про драку. Авантюрист красивый – хоть сейчас на обложку модного журнала – уверенный, сильный и ухоженный. И сравнить со Славой: робким нескладным фонарным столбом, который не мылся уже трое суток.

– Широкая и плоская каменная миска, – ответила Беска.

– Цвет?

– Издеваешься? Я ж на гравюре смотрела. Скорее темная, чем белая.

– Ну тогда вот наиболее подходящий кандидат, – Авантюрист протянул ей включенный смартфон. Беска легко спорхнула со стола и стремительно подскочила к ним. Слава заглянул через ее плечо, невольно втянув воздух носом, желая уловить аромат волос, но, к сожалению, не почувствовал ничего.

На экране виднелась какая-то каменная черная тарелка на ножке.

– Похоже. Очень! Где она?

– Британский музей. Чертовски хорошо охраняемое место. Уж лучше бы ты сказала, что она светлая. Тогда мы отправились бы в Каир, где тамошние раздолбаи проморгают даже бегемота, если он не будет слишком громко топтать. Ах, Каир... помню в тридцать третьем...

– Сейчас твои байки не к месту, – отрезала она.

– В тридцать третьем... году? – не веря, переспросил Слава. На девяностолетнего старика Авантюрист никак не походил.

Беска фыркнула. Ее напарник только загадочно улыбнулся.

– Идем сейчас? – спросила она.

– Солнце, ты хотя бы выясни, как она охраняется. Даже если там будет дождь, что далеко не факт, тебе с чашей еще до улицы добежать надо через толпу охранников, – ехидно заметил Авантюрист, поглаживая пальцем загнутые кверху кончики усов.

– Там что, окон нет?

– Не знаю. И ты не знаешь. Нужно как минимум посмотреть на место, изучить расписание охраны...

– Вы что, собираетесь ограбить Британский музей? – не веря своим ушам, уточнил Слава.

– Само собой. Это реальная вещь, ее через сон не достанешь, иначе получишь никчемный фантом, – отмахнулась от него Беска и добавила для напарника: – Ну я и говорю: пойдем.

– Только без глупостей! Мы покупаем билеты, как самые законопослушные туристы, смотрим и спокойно выходим. Хорошо? – Авантюрист разговаривал с ней как с маленькой глупой девочкой. Девушка это понимала и откровенно бесилась, однако даже не огрызнулась, а с утрированной покорностью скромно ответила:

– Хорошо, – и потупила глазки, как нашкодившая школьница.

– А зачем это все? – спросил Слава. – Мне кажется, что вы же не для денег это делаете.

Повисла неловкая пауза. Авантюрист пожал плечами, дескать, вопрос не к нему. Беска нахмурилась.

Отвернулась и посмотрела в сторону занавешенного окна, раздумывая, говорить или нет.

– Я хочу найти того, кто меня убил. Меня и всю семью, – ее голос дрогнул. Беска откашлялась и продолжила с плохо скрываемой яростью. – И тогда я оттянусь по полной!

– Ну а я с ней за компанию, и как раз ради денег и развлечений, – поморщившись, прервал ее Авантюрист. – Дед мой, старый пират, говорят, спрятал огромный клад на островах. Беска пытается сделать компас, способный показать, где находится желаемое. Я, в свою очередь, надеюсь, что он отведет меня к моему фамильному состоянию. Поэтому у нас договор: я помогаю ей с поиском убийцы, а потом она перенесет меня на нужный остров.

– А вы вообще кто... и откуда? – осторожно продолжил сыпать вопросами Слава.

– А ты сам-то кто и откуда? – неожиданно вспыхнула Беска.

– Справедливо, – стараясь выглядеть спокойно и уверенно, ответил Слава. – Имя я уже называл, – на это Беска возмущенно фыркнула, – сам я из Нижнего Новгорода. После гибели родителей долго жил с бабушкой, но три дня назад она неожиданно умерла. Я остался один и решил сбежать от социальных служб, поэтому приехал на электричке в Арзамас и укрылся в заброшенном доме.

– И что я нашла такого в этой смертельной скуке, что подарила тебе одно из колечек? – возмущенно вздохнула она.

– Соболезную, – серьезно произнес Авантюрист, – а как погибли твои родители?

– Бабушка рассказывала, что в аварии. Я совсем маленький тогда был, и папу с мамой совсем не помню. Если бы не фото, то и не знал бы, как они выглядят.

Слава зачем-то вытащил паспорт и достал из обложки старую потертую сложенную пополам фотографию. На ней высокий ладный мужчина обнимал красивую девушку с младенцем. Слава тут же смутился своего порыва, поняв, что вряд ли Авантюристу это будет интересно. Однако тот понял колебания юноши и, возможно, чисто из вежливости, протянул руку.

Слава передал ему фотографию.

Авантюрист как-то слишком внимательно принялся ее рассматривать.

– А сколько тебе лет? – неожиданно спросил он после небольшой паузы.

– Семнадцать, – недоуменно ответил Слава.

– Ты знаешь, где сделано это фото?

– Нет. Бабушка говорила, что во время отпуска, когда они со мной куда-то поехали, но куда, не знаю.

– Прости, мой юный друг, но кто-то тебя точно водил за нос, – сочувственно произнес Авантюрист и вернул фото. – Снято это в Сеуле. Там на заднем плане торговый центр Сампунг, который обрушился в девяносто пятом году. Очень громкая была катастрофа.

– И что? – растерянно спросил Слава.

– Похоже, что нежелание думать заразно, – обреченно вздохнул Авантюрист и ехидно взглянул на Беску. – Ребенку с этого фото сейчас двадцать шесть, а не семнадцать, и, значит, это точно не ты.

– Как же так? – пробормотал Слава.

– Я понимаю, что у тебя сейчас мир рушится, но лучше горькая правда, чем ложь всю жизнь. Кроме того, ты на этого мужика вообще не похож. По типу лица я бы сказал, что на фото англичанин.

Слава осторожно взял карточку в руки и еще раз внимательно на нее посмотрел.

Такие знакомые и родные лица отца и матери теперь вдруг стали чужими. У него была надежда, что Авантюрист ошибся насчет здания, но если присмотреться, то машины на заднем фоне действительно выглядели слишком старомодно, да и младенца держали на руках так, что лица было не видно. Это мог быть кто угодно. Получается, что бабушка его все эти годы обманывала? Или все еще сложнее, и на фотографии не он, а его старший брат или сестра. Если припомнить, то бабуля говорила, что это фото родителей, а не его. Тогда все вставало на свои места, а о втором ребенке, который, наверное, погиб вместе с родителями, бабушка не сообщала, чтобы Славу не травмировать.

– Это могла быть старшая сестра, например, – неожиданно сказала Беска, словно подслушав его размышления.

– Могла, – кивнул Авантюрист. Но это не отменяет того, что нашего общего друга кто-то водил за нос все эти годы. Вопрос только, зачем.

– Теперь уже не узнать, – вздохнул Слава и убрал фото обратно в паспорт, – так все-таки, кто вы такие?

– Что ты хочешь услышать? Имена? В наших кругах их не принято говорить. Всю биографию, как ты только что нам вывалил? Нет уж, уволь, дружок, этого я никому сообщать не собираюсь.

Но Славу интересовал не он:

– Почему ты сказала, что ты кукла вуду? Что значит, что тебя убили?

– То и значит. Убили, а потом через какое-то время воскресили. Какому-то колдуну-недочке понадобилась послушная тупая помощница, способная вытащить из чужих снов пару необходимых предметов. Он не нашел ничего лучше, чем спереть в морге мой свежий труп и оживить, наделив способностью поиска и материализации предметов из сновидений. Этаким одноразовый демон, от которого просто избавится, когда тот выполнит задание. Никто же не будет искать не востребовавшего покойника.

Беска замолчала, отвернувшись от Славы.

– И что случилось дальше? – осторожно спросил он.

– Этот идиот держал меня в клетке, чтобы я не могла ему навредить, но забыл, что я существую не только в реальности, но и во сне, где он беззащитен.

– И что ты с ним сделала?

Она повернулась и посмотрела на него, как на идиота:

– Умертвила, конечно. Мне нужна была свобода, чтобы найти убийцу, и я ее получила.

– Ты знаешь кто тебя убил?

– Если бы, – вздохнула она.

– Ты вообще ничего не помнишь? – сочувственно спросил Слава.

– Колдун вложил в меня только общие знания о мире и то, что посчитал необходимым для работы. Я знаю кучу языков, отлично разбираюсь в биологии и физиологии, но о себе не помню ничего, кроме момента убийства. Наверное, это настолько сильное воспоминание, что его невозможно вытравить из сознания. Но в этом видении нет лица убийцы. Я убежала по длинному коридору с осознанием того, что все родные погибли, и мне выстрелили в спину.

– Наверное, ты из богатой или знатной семьи. Во время наших встреч ты говорила, что в твоём доме есть запертая комната, от которой потеряны ключи. Такое возможно только в очень больших имениях.

– А что я ещё рассказывала? – Беска подобрала ноги и уселась на столешницу по-турецки.

– Ничего конкретного, что бы помогло тебе в поисках. Знаю только о старшей сестре, отсутствии подруг и о весьма сложных отношениях с родственниками. Ещё ты искала разрыв-траву, чтобы сломать замок той самой запертой комнаты. Больше ничего особенного. Мы болтали... ни о чём и обо всем понемногу.

– Дура. Лучше бы я тогда сказала, как меня зовут, – в сердцах пробормотала она, – Ну что ж, это уже гораздо больше того, что я знала раньше. Спасибо.

– Надеюсь, это поможет тебе вспомнить родных...

– Зачем? – искренне удивилась она.

Слава поперхнулся остатком фразы и переспросил.

– То есть?

– Вот ты только что усомнился, что на фото твои настоящие родители и что вообще вся твоя предыдущая жизнь правда, и что изменилось? Ты стал лучше или хуже?

– Неужели ты не хочешь узнать свое прошлое?

– Я хочу найти своего убийцу. А прошлое – это иллюзия. Так же, как и будущее. Три очевидца одного и того же события, скорее всего, опишут разное. А спроси их через десяток лет, так вообще будет ощущение, что они в разных мирах в то время были. Потому что прошлое – это всего лишь сон разума, и у каждого он разный. И будущее тоже иллюзия, правда, куда более сильная. Мало кто делает что-то ради прошлого. Только ради будущего. Так люди и мечутся между несуществующим прошлым и таким же туманным будущим, забывая, что реально есть только один момент. Здесь и сейчас. И если ты витаешь в иллюзиях вместо того, чтобы находиться в сейчас, то ты и не живешь вовсе. Поэтому мне наплевать на то, кем я была или буду.

– Ого! А разве планы кого-то убить – это не про будущее? Ты тоже живешь в иллюзии...

– А я не живу. Я уже сдохла. И да... ты не думай, что это твое кольцо, которое ты так трогательно хранил все это время, что-то значит, – добавила она после небольшой паузы. – Я не та девочка, с которой ты дружил. Твою знакомую убили и из ее шкурки сделали злобное безмозглое чучело. Можешь помочь мне отомстить за твою подругу, если захочешь. А сейчас нам пора грабить музей.

Глава 6. Дартс

– Авантюрист, у тебя есть фунты, чтобы купить билеты или вломимся напролом? – невинно уточнила Беска.

– Никаких вломимся! Сегодня мы простые туристы, пришедшие любоваться экспонатами египетского зала, – категорично ответил он, и добавил, – а фунты добудем на месте. Дурное дело не хитрое.

– Что там с прогнозом?

Авантюрист посмотрел на смартфон.

– Туман и легкий дождь, моя госпожа, если верить этим лгунам-синоптикам.

– Тогда в путь, мой верный раб, – подыграла она.

– С вами можно? – робко спросил Слава.

– Сегодня можно. Заслужил, – снисходительно ответила Беска и направилась к выходу.

На этот раз он подготовился к перемещению, но все равно чуть не упал, когда улицы Копенгагена резко сменились на лондонские. Дождя не было, но стоял относительно неплотный туман.

– Я тоже никак к этому не привыкну, мой юный друг, – заметив его замешательство, сказал Авантюрист. Он деловито оглядывался по сторонам, засунув руки в карманы брюк.

– Музей потерял? – ядовито осведомилась Беска.

Не заметить огромное здание было очень сложно.

– Ну ты иди в кассу, очередь займи, а я пока подумаю, где бы нам добыть пару сотен фунтов.

– Это билеты столько стоят? – ужаснулся Слава, мысленно переводя в рубли.

– Понятия не имею, но пары сотен должно хватить за глаза и еще останется, чтобы перекусить, – улыбнулся Авантюрист.

Слава взглянул на кассы музея, где, естественно, не было никакой очереди, потом на закусившую губу Беску.

– Мой нюх ведет меня туда, – Авантюрист уверенно указал налево.

– Не все ли равно куда идти, если ты не знаешь цели, – пробурчала Беска, но все-таки первой пошла в указанном направлении.

Они свернули на Блумсберри стрит, как гласила надпись на доме, прошли один квартал и Авантюрист указал на неприметную вывеску, написанную простыми белыми буквами на черном фоне: «Blossberry fight club darts pub».

– И что там? – раздраженно спросила Беска, которой надоело бесцельно гулять и хотелось наконец заняться делом.

– Мы что, будем драться? – удивленно спросил Слава. Поймав недоуменный взгляд девушки, он понял, что та, несмотря на то, что хвасталась знанием кучи языков, не умеет читать по-английски.

– Дартс, мой юный друг! Любимый вид спорта англичан, конечно, после хорошей драки, – воскликнул Авантюрист, – но народец так измельчал в последние годы, что тут все меньше рингов и все больше полосатых кругов на стенах. Нам туда! – и тут же вошел внутрь.

Беска помедлила, нервно притоптывая ногой:

– Как я этого всего не люблю. В прошлый раз все закончилось мордобоем, – вздохнула она и добавила. – Ну пойдем, что ли.

Слава почему-то ожидал увидеть классическую консервативную обстановку английского паба, как часто показывали в кино – со стойками из старого темного дерева – но внутри его ждал настоящий цветовой взрыв. Было ощущение, что он попал в казино. Причем, судя по шрифту надписей, заведение находилось на диком западе во времена ковбоев и салунов. Куча

мигающих цветных лампочек, сочетание красного, зеленого и желтого в оформлении барной стойки и множество мишеней для дартса на стенах никак не вязались с английским духом в его понимании.

Бармен недобро взглянул на них с Беской и сделал какое-то раздраженное замечание. Слава хоть и кое-как учил язык в школе, но все равно ничего не понял. За него ответил Авантюрист, и его ответ Слава разобрал: дети вместе с ним, и он хотел бы угостить своих юных друзей лимонадом.

Они уселись за столик – хоть он оказался обычного цвета светлого дерева, без растаманских колористических изысков.

– Запах не тот! – посетовал Авантюрист. – Где же разгульная атмосфера классического паба, когда все утопает в клубах табачного дыма?! А сейчас что? Шампунь, которым уборщица помыла пол. Как можно расслабиться и нормально выпить в таких условиях?

– Отвратительно! – согласилась Беска. – Как и вы оба. Воняете не лучше.

Слава покраснел, вспомнив, что мылся последний раз дня три назад, но девушка пояснила, поймав недоуменный взгляд Авантюриста:

– Этот ваш мир омерзительных искусственных запахов пропитал вас обоих насквозь. В лесу любой зверь учует вас за тысячу шагов, просто потому что шампуни, дезодоранты, все эти гели для душа и дезинфекторы ввелись в вашу кожу намертво. Вы даже не ощущаете, как воняете, потому что этот смрад сопровождает вас с рождения и нос его воспринимает, только если вы буквально макнете его в банку с духами.

Слава невольно втянул носом воздух, стараясь понять, как пахнет она сама, и опять не смог выделить ее аромат среди запахов кухни и свежeweымытого пола.

– А ты... из другого мира, да? Ты жила в лесу? – спросил он.

Беска посмотрела на него с укоризной, как будто он только что сморозил страшную глупость, и ничего не ответила.

Авантюрист пропустил ее тираду мимо ушей. Он внимательно разглядывал немногочисленных посетителей паба.

– Мы в правильном потоке, – неожиданно заявил он, – вселенная тасует карты в нашу пользу. Смотри, – он дернул Славу за рукав и кивнул на мужчину у барной стойки, – явно азартен и богат. Идеальное сочетание.

– А откуда вы... – начал было Слава, но Авантюрист не дослушал вопрос.

– Элементарно, мой юный друг, у него запонки Манчестер Юнайтед. Он страстный болельщик, а значит, азартен. Сам факт того, что он носит запонки, уже говорит о достатке, а уж обувь ручной работы об этом просто кричит. Жалкие двести фунтов для него вообще не деньги. Я пошел, – заявил он и направился к незнакомцу.

Тем временем официант принес им с Беской по стакану лимонада и так же поставил пинту темного пива для Авантюриста.

– Я правильно понимаю, что нам нечем платить, и если у него сейчас ничего не выйдет, то бармен сдаст нас полиции? – спросил Слава, показав на напитки.

– Это не важно. Не волнуйся, – отмахнулась от него Беска, – ну сдаст и сдаст. Мы смоемся раньше.

Она демонстративно, глядя в спину уходящего Авантюриста, отхлебнула его пиво.

– Спасибо, успокоила, – пробормотал Слава. Пить лимонад после этого совершенно не хотелось. Если бы не урчащий от голода живот, он бы к нему даже не притронулся. Однако стоило пригубить странный, пахнувший лавандой и елкой напиток, как организм жадно потребовал вот этого срочно и побольше, так что весь стакан Слава выпил залпом.

Авантюрист тем временем сел у стойки рядом с намеченной жертвой и заговорил с незнакомцем.

– Он хорошо говорит по-английски? – уточнил Слава просто чтобы поддержать разговор.

– Я еще не встречала наречия, на котором он моментально не нашел бы общий язык с местными. Понятия не имею, как это у него получается.

– И о чем они сейчас разговаривают, как думаешь?

– Тут и гадать нечего. Наш задушевно заявил, что весь этот дартс – фигня полная, с которой справится даже младенец, и как тут вообще можно не попасть.

Слава следил за спором, боясь, что сейчас, как предупреждала Беска, начнется мордобой, но беседа за стойкой протекала в дружеской атмосфере. Несмотря на то, что оба экспрессивно махали руками, доказывая что-то оппоненту, периодически то один, то другой смеялись. Потом оба плавно переместились к мишени у стены, продолжая что-то горячо обсуждать.

Наконец они пожали друг другу руки, Авантюрист взял дротики, отошел от мишени подальше, встал спиной и, не поворачиваясь, через плечо швырнул все три точно в центр. Его оппонент уважительно развел руками, достал из портмоне купюру и передал Авантюристу.

Тот небрежно махнул рукой, вроде как прощая этот смешной долг, и что-то добавил такое, что собеседник аж пивом подавился. Спор явно перешел на новый уровень. Богач с запонками Манчестер-Юнайтед демонстративно достал три купюры покрупнее и положил их на барную стойку, призвав самого бармена в свидетели. Он явно хотел поставить на место зарвавшегося хвастуна. Авантюрист обреченно вздохнул и что-то уточнил. Бармен и собеседник кивнули.

Авантюрист нехотя вынул из доски все три дротика и отошел на позицию броска.

– Смотри! – прошептала Беска. Она подалась вперед, и Слава почувствовал ее дыхание на щеке. Он украдкой скопил на нее глаза и постарался запомнить этот момент.

Раздался растерянный «ох», а затем и второй, более громкий. Слава нехотя перевел взгляд на мишень. Все три дротика торчали друг в друге, напоминая длинную коктейльную соломинку.

Бармен что-то недовольно пробурчал, наверняка по поводу испорченных дротиков, на что Авантюрист, демонстративно забрав купюры со стола, оставил тому одну, указав после этого за стол, где сидел Слава с девушкой.

Когда он вернулся, Беска спросила:

– Не многовато ли, сотня фунтов за три стакана воняющей химией фигни и два старых дротика?

– Еще стейки для нас с тобой и торт с кремом из растительных жиров для нашего друга на диете. В таких делах не надо мелочиться. Госпожу фортуна лучше задобрить щедрыми чаевыми.

– Торт на маргарине. Какая щедрость! – ухмыльнулась Беска.

– Веганский торт – самое то. Зато не отравится.

– А где вы так метко наловчились кидать? Часто в дартс играли? – спросил Слава.

Беска фыркнула.

– Честно говоря, я встретился с этой игрой второй раз в жизни. В первый раз это было... дайте припомнить в каком году... – Авантюрист мечтательно возвел глаза в потолок.

– Опять начал! – возмутилась Беска и пояснила Славе: – У него просто абсолютная точность. В другом месте и времени он бы всадил пулю в пулю, тоже предварительно поспорив на пару сотен каких-нибудь местных тугриков. Так чего мы ждем теперь? Деньги есть? Пошли в музей!

– Погоди. Стейки сейчас принесут, а музей будет открыт еще три часа.

– Не хочу ждать!

– А придется. Нам лучше попасть к закрытию, чтобы посмотреть, как будет действовать охрана, чем тупо потоптаться у нужного стенда и уйти.

– Лучше разбить стекло, взять чашу, выпрыгнуть в окно и смыться.

– А если стекло пуленепробиваемое? А если в этом зале нет окна? А если он на третьем этаже?

– Я ж не говорю, что нужно ждать приземления. Переместимся в полете, – пробурчала Беска, но было видно, что она сдалась.

Еду принесли достаточно быстро. По рекомендации Бески он не стал есть слои теста и без охоты поковырял ложкой густой крем. Подобные торты он вообще ненавидел, а уж то, что придется слизывать с них противную жирную массу, даже в страшном сне представить не мог.

Но голод тут же начал ковыряться в животе противным острым коготком. Слава съел одну чайную ложку крема, затем вторую...

– Ешь, ешь, – подбодрила его Беска, – жиры и простые углеводы. То, что тебе нужно в больших количествах.

Организм был с ней совершенно согласен и протестующий мозг быстро сдался. Слава старался не обращать внимание на противный незнакомый запах стейков с кровью, которые уплетали его новые друзья, и поглощал торт с неожиданным для себя аппетитом.

Три часа Беска не вытерпела, так что в музее они оказались уже через час. Авантюрист, вооружившись скачанным в смартфон планом, безошибочно привел их в нужный зал.

– Так ты знал, что он не на третьем этаже! – возмущенно прошипела Беска, но тот с иронией заметил:

– Как и то, что здесь напрочь отсутствует окно.

– Как и охрана!

– Она у камер наблюдения. Далеко ты с вазочкой подмышкой не убежишь.

– С чашей!

– С чашей тем более, – многозначительно заметил Авантюрист, устремив указательный палец вверх.

Беска легко пнула его коленом по бедру.

– Мадам! Где ваши манеры? Это публичное чопорное английское заведение. Вас так могут принять за какую-нибудь воровку! – возмущенно заявил Авантюрист.

Слава мрачно смотрел на их пикировку. В его понимании так могли вести себя только любовники. «Кстати, спальное место в том помещении на заброшенном заводе вроде как всего одно», – внезапно всплыло в памяти.

Беска подошла к витрине с большой плоской черной чашей и аккуратно потрогала стекло.

– Как я и говорил, закаленный прочный триплекс, – прошептал Авантюрист. – Молотком по такому можно полчаса лупить. Шуму много, а толку мало.

– Есть замок, – она кивнула на массивный механизм из металла внизу дверцы музейного шкафа.

– Я не взломщик. У меня нет отмычек, – пожал плечами ее напарник.

– Зато я взломщик. Мне нужна минута, чтобы его открыть.

– Никогда не наблюдал за тобой таких талантов, – Авантюрист приподнял одну бровь.

– А ты наивно решил, что все про меня знаешь? – она издевательски повторила за ним жест бровью и отвернулась.

– Ну допустим, что я как-то загорожу тебя от камер, пока ты будешь копать с замком. Допустим, ты даже не переоцениваешь свои силы и действительно справишься за минуту, что, надо сказать, срок не малый. Дальше отсюда надо бежать по длинному коридору к центральному холлу, распахивая посетителей и охрану, которая там стоит. Даже если они не заметят, как ты вскрываешь замок, сигнализация сработает сразу, как ты откроешь шкаф. Вон внутри датчики. Так как ты представляешь себе наш путь сквозь плотные ряды секьюрити?

Беска на секунду посмотрела вверх, перебирая варианты:

– Их здесь не будет! Они убегут на второй этаж, где чуть раньше сработает сигнализация. Когда спохватятся, мы уже будем у выхода.

– И кто же украдет что-то на втором этаже, чтобы отвлечь охрану?
Он! Должна же быть от него какая-то польза! – и Беска ткнула пальцем в Славу.

Глава 7. Охота во сне

Ограбление музея Беска все-таки благоразумно, но не без настойчивых уговоров Авантюриста перенесла на следующий день. Только заявила, что они отправятся на дело не вечером, как предлагал напарник, а утром. Все его возражения она прервала простой фразой, что она чувствует, что завтра днем в Лондоне будет ясно, и тогда у них не будет шанса смыться. Против этого довода Авантюрист возражать не решился.

Они вернулись в Копенгаген затемно. Улицы тут освещались плохо и гулять по городу на ночь глядя было занятием бессмысленным. Слава с огорчением подумал, что так и не посмотрел первую иностранную столицу, в которой оказался. Завтра его посадят в британскую тюрьму лет на сто, где он проведет всю оставшуюся жизнь, а так как там его веганскими тортиками кормить не будут, то будет она весьма короткой.

Войдя на «базу», как называл помещение на заброшенном заводе Авантюрист, Беска деловито уперла руки в бока и заявила, что раз чаша им сегодня не досталась, то самое время раздобыть единорога.

Слава, уже мысленно примерявший на себя тюремную робу, встрепенулся. Ему показалось, что он ослышался.

– Чего раздобыть?

– Рог единорога. Как ты думаешь, его сложно пилить? Единорог вообще кусается, или его предварительно стоит убить?

– Я откуда знаю?! – ошарашенно ответил Слава.

– Оттуда. Единорог-то твой будет. Ты мне и скажи характеристики.

Слава растерянно моргал.

– Ну сам же хвастал, что можешь присниться все, что угодно! Вот и придумай сон с единорогом, а я зайду и реквизирую у скотинки рог.

– Да откуда я знаю, как они выглядят? – возмутился Слава.

Беска подошла ближе и заглянула ему в глаза снизу вверх так, как будто разговаривает с неразумным малышом:

– Кто? Единороги?! Их не существует, балда! Как ты придумаешь, так и будут выглядеть. Мать природа почему-то нагенерила крылатых мышей, кормящих молоком яйцекладущих утконосов, какающих кубиками вомбатов, но не сотворила ни одной завалящей лошадки с рогом во лбу.

– Ну если я его придумаю, то он же будет ненастоящий...

– Ты debil? Ты слушал, что я только что сказала?

– Нет, я все понял. Но тебе же в качестве компонента нужен рог настоящего единорога...

– Какой же ты иногда бесяще тупой! – вздохнула она. – Нет никаких, кроме воображаемых. Зачем еще колдун кряхтел, пер мое тело домой, оживлял, потратив кучу времени, сил и средств, если все, что ему нужно было от дохлой девицы, – это нейтрализующий все поля камень, – она показала на пирамидку на столе, – перо волшебной птицы и рог сраного единорога? Не проще было бы просто их достать, при его-то способностях? Есть вещи, которые просто не существуют в реальности, и добыть их можно только из снов. Предмет важен как символ. Главное при изготовлении магического компаса – быть уверенным в том, что конкретный предмет является именно рогом единорога, и тогда все заработает. А было ли это выдуманное существо большим светящимся конем, какающим радугой или маленьким розовым пони с шипом на лобешке, вообще не важно. Понятно?

– Понятно, – обреченно кивнул Слава. Он действительно постоянно чувствовал себя рядом с ней тупым. Слишком тупым, чтобы на него вообще стоило обращать внимание.

– Это тебе твой колдун столько умных слов наговорил? – флегматично поинтересовался Авантюрист. Он полулежал в кресле, вытянув ноги, и спокойно обрабатывал пилочкой ногти.

Беска зло стрельнула в него глазами:

– А что?

– Это я к тому, чтобы наш юный друг не слишком расстраивался. Всего месяц назад ты сама была такой же, как он: переспрашивающей у хозяина, где же тебе раздобыть настоящего единорога.

– Такой тупой я не была никогда! – отрезала она и по-хозяйски оглядела комнату. – Так, а где же мы его положим?

Слава мрачно посмотрел на единственный диван. На нем полагалось спать одному человеку. Двое на нем могли поместиться только если в обнимку.

– В соседнем кабинете есть стол для совещаний, – заметил Авантюрист, – нужно только найти, что на него бросить, чтобы не было слишком жестко.

И не смотри так на мой диван, я тебе его не отдам, – улыбнулся он Славе.

– А ты где спишь? – осмелился спросить он у Бески.

– Я вообще не сплю. Это нужно только живым. – отмахнулась она, – Я не шутила, когда назвалась чучелом и куклой вуду. Я есть предмет неодушевленный и в отдыхе не нуждающийся. Вообще эта ваша манера проводить треть суток в бессознательном храпящем состоянии ужасно раздражает. Столько всего сделать можно за это время! Ну хоть сегодня ночь с пользой проведем. Ждите меня, я сейчас сховаюсь за спальником.

Она выскочила из кабинета и часто застучала каблучками ботинок по железным ступенькам.

– Она в магазин? Деньги-то она у тебя не взяла, – растерянно заметил Слава.

– Наша общая с тобой знакомая не жалуется честные коммерческие отношения, – задумчиво произнес Авантюрист. – Говоря проще, матрас она украдет. И уж точно не в магазине, потому что под крышей не бывает дождя.

– А вы давно знакомы? – осторожно спросил Слава.

– Как раз месяц. Я встретил ее почти сразу же, как она покинула колдуна. Меня удивило это парадоксальное сочетание беспомощного растерянного котенка и сконцентрированного комка ярости. Показалось, что девушка далеко пойдет, и так оно и вышло.

– Она хочет отомстить, а вы? Какая цель у вас? Не верю, что просто деньги. Вы к ним слишком легко относитесь.

– Приключения, мой юный друг. Меня давно раздирала скука. Ни достойного соперника, ни захватывающей идеи. А тут встречается настолько целеустремленная натура! Когда такие, как она, несутся по вселенной, сметая все на пути, то порождают такие турбулентности, в которых происходят самые невероятные события. Ну а клад, о котором я говорил... это единственная волнующая меня идея, к которой я долгое время не знал, как подступиться, а тут она с компасом желаний. Надо сказать, мой друг, что Беска и сама не совсем представляет, что именно должно получиться и заработает ли вообще. Сгоряча она избавилась от хозяина, не выяснив до конца всех деталей. Подсмотрела у него гравюру с чертежом, видела список компонентов, и не факт, что полный, и не более того. Как именно все соединить и не нужно ли каких-то заклинаний, мы не знаем. Так что на клад я не особо надеюсь, а вот приключений на нашем пути было и будет хоть отбавляй.

– И вам не страшно? Завтра нас может схватить охрана.

– Иногда, мой друг, в жизни случаются такие вещи, по сравнению с которыми описываемые тобой страхи не ужаснее детских книжек-картинок, – чуть помрачнев, произнес Авантюрист, – пережив их, просто перестаешь бояться. Вот ты, например, еще не до конца осознал, что умираешь, иначе бы меньше переживал о завтрашнем приключении. Если верить нашей спутнице – а в биологии она знает невероятно и необъяснимо много – то тебе отпущено не

более трехсот шестидесяти квадратиков на календаре. На твоём месте я бы стремился каждый из них превратить в захватывающее приключение, а не в попытки вернуться к серой и размеренной жизни.

Его монолог прервал дробный перестук каблучков по металлу, и в комнату стремительно ворвалась Беска с зеленым скомканным походным спальником в руках.

– Не скучали? – игриво спросила она.

Авантюрист поморщился:

– Судя по стойкому запаху костра, ты стащила его у бомжа под мостом?

– У в доску пьяного туриста, который заснул на земле, несмотря на морозящий дождь.

Так что сам виноват, – легкомысленно заявила она и прошла мимо Славы в соседнее помещение. Он встал со стула и проследовал за ней.

Там действительно оказался темный длинный зал для совещаний с огромным столом, за которым с каждой стороны могло усесться, наверное, человек по десять. Беска швырнула спальник прямо на столешницу:

– Вот. Ложись и «сни» единорогов. Быстро! Подушку не нашла, так что снимешь свой дурацкий свитер и свернешь под голову.

– А как ты попадешь в сон, если сама не спишь?

– Просто приду. Так же, как перемещаюсь в другие места. Для этого мне даже дождь не нужен.

– А как ты учуяла перо? Как понимаешь, в какой сон идти? – спросил Слава, забираясь с ногами на стол.

– Ты задаешь слишком много вопросов. Просто чую, и все. Спи давай.

Она ушла в кабинет. Там что-то загромыхало, и через минуту девушка снова появилась в дверном проеме, таща перед собой огромное кресло. Беска задвинула его в угол и забралась в него с ногами. Слава подумал, что с ее ростом она там запросто может свернуться клубочком, как котенок, и спокойно спать.

– Ты так и будешь всю ночь сидеть и смотреть? – спросил он у нее.

– Да, пока не добуду рог. Потом, как обычно, пойду шататься по ночному городу.

– А не страшно? Гулять одной ночью.

– Страшно? Мне? – она фыркнула. – Поверь, я умею постоять за себя. Когда такая нечисть, как я, бродит по темным улицам, бояться должны все остальные. А ты спи. Единороги! Помнишь?

Слава кивнул и улегся на стол. Несмотря на спальник, лежать было все равно жестко. С другой стороны, накопившаяся усталость и нервы брали свое, и он понял, что сейчас заснет, даже несмотря на то, что в углу сидит самая прекрасная девушка из всех, кого он только встречал, и внимательно на него смотрит.

Тут он вспомнил слова Авантюриста про триста шестьдесят отведенных ему дней. С учетом того, что слабеет он будет с каждой неделей все больше и больше, то активной жизни ему осталось полгода максимум. Куда ему налаживать отношения с девушками? Что он сможет ей дать? Ненужные слезы, когда его не станет?

Интересно, а каково это – умирать? Странно, что он задумался об этом впервые, учитывая обрисованные Беской перспективы.

С этой мыслью он и уснул, пытаясь удержать в голове еще и образ лошадки с рогом во лбу.

* * *

– Э... кхм... что это? – спросила Беска. Она появилась неожиданно, сразу, как только сон из легкого полубреда окреп в настоящее видение.

– Тебе же не нужен был целый, – оправдываясь произнес Слава.

Посреди темного ночного окутанного слабым голубым туманом леса, обильно освещенного светлячками и люминесцентными грибами, на фиолетовой траве белел скелет лошади с носорожьим рогом из центра черепа.

– Радикально, ничего не скажешь, – ухмыльнулась Беска, – но ты молодец. В принципе, так даже лучше. Не придется бегать за этим мустангом. Только вот нафига ты такой толстый сочинил? Нет, чтобы как в сказках: длинный и тонкий как игла. Отломил и пошел. А этот носорожий я чем пилить должна?

Слава обернулся и молча снял с ближайшего сука ножовку. Он начал ее сочинять сразу, как увидел скелет.

– Ого! Ты можешь корректировать сон во сне? Да ты еще ценнее, чем я думала, – искренне удивилась Беска. – Давай пилу.

– Нет уж! Не женское это дело – пилить, – ответил он и подошел к черепу. Беска с удивлением посмотрела на него и посторонилась.

Рог пилился плохо. Куда хуже, чем деревяшка. Он походил на твердый пластик и пила не вгрызалась, а процарапывала бороздку, но все-таки процесс постепенно шел. Минут через пять, дойдя до середины, Слава взмок.

– Отдохни, а то еще проснешься ненароком, – посоветовала Беска, – и тогда все придется с начала начинать. Слушай, а ты не можешь сочинить, что он сам по себе отвалился? – сообщила она.

– Уже нет. Это центральный элемент сна. Его можно сочинить, создав новое сновидение, – отдуваясь сказал Слава.

Она с жадностью взглянула на желанный предмет, который был так близко.

– Нет, рисковать с пробуждением не будем. Вдруг второй раз не получится. Давай я.

Слава не без короткой внутренней борьбы уступил ей место.

Беска взялась за дело яростно. Пила замелькала гораздо быстрее, чем до этого в руках Славы.

Он тем временем, разминая уставшие руки, огляделся. Лес вокруг был слишком странным. Наверное, сказалось его желание придумать что-то сказочное. Не могут же единороги обитать в обыкновенном сосновом бору, например. Сейчас у него было ощущение, что он немного перестарался. Пространство вокруг было слишком живым. Все двигалось, шуршало, светилось и летало по самым неожиданным траекториям. Помимо светлячков, даже комья голубого тумана как в большой лава-лампе периодически взлетали вверх большими плотными комками, разваливались в высоте на небольшие шарики и медленным снегопадом опускались обратно к светящейся на земле грибной поросли.

Из-за постоянного движения разглядеть деревья уже на расстоянии сотни метров было практически невозможно, и там могло таиться что угодно.

– Тебе, кстати, вообще побережь себя надо. От усилий мышечные волокна разрушаются, а тебе их восстанавливать нечем. Чем меньше перенапрягаешься, тем дольше проживешь, – делая паузу между словами, чтобы перевести дыхание, произнесла Беска, ожесточенно вдавливая пилу все глубже и глубже.

– Ты тоже охолопись. А то перетрудишься и тебя выкинет из моего сна. У тебя-то, кстати, мышцы восстанавливаются, как у живой? – не выдержал он и съехидничал в ответ.

– Ты разговариваешь, как столетний дед, – фыркнула она, – Откуда только словечек таких набрался?

– Как семидесятипятилетний. Бабушке должно было исполниться столько через пару недель, – ответил он спокойно, и Беска замолчала.

Внезапно вдали Слава заметил какое-то новое движение. Не такое гармоничное, как медленные полеты огоньков и туманных пузырей. Чужеродное, грубое. Багровый оттенок опасно-

сти в сине-зеленом царстве. Он начал напряженно вглядываться и заметил это снова: тень, мелькнувшую в глубине тумана. Потом еще одну, чуть правее.

– Там кто-то есть! – настороженно сказал он.

– Не важно. В сказочном лесу бегают сказочные зверушки. Мне чуть-чуть осталось, и я тебя разбужу. Не бойся.

Судя по размерам и стремительности передвижений, тени вдали совсем не походили на зверушек. Их мелькание что-то напоминало Славе, только он пока не мог понять, что именно.

Из-за тумана тяжело было понять, сколько их там. То ли это пара существ так быстро перемещалась, то ли целый десяток.

Тут он понял, где видел такие движения, и по спине пробежал нехороший холодок: так спецназ окружал цель в каком-то фильме. Полукруг, по которому перемещались тени, расходясь все шире и шире, имел один центр, и в нем сейчас стоял Слава.

– Мне кажется, нас хотят атаковать. И это однозначно не звери, – напряженно сказал он.

Беска прекратила пилить и обернулась. Секунд пять смотрела на мелькание вдали, а затем принялась орудовать пилой в два раза активнее.

– Без рога я отсюда не уйду. Пока они до нас доберутся, я уже закончу.

Внезапно мелькание теней прекратилось.

Слава напряженно всматривался в светящийся туман, так, что глаза заболели.

Может потому, что был настороже, он и услышал тихий стремительно приближающийся свист. Он сделал шаг к Беске, чтобы поднять ее на ноги, и это его и спасло.

Длинная черная стрела со звонким вибрирующим звуком воткнулась в ствол ровно там, где он стоял мгновение назад. Слава оторопело уставился на темное оперение на дрожащем древке.

В этот момент тени ринулись в атаку. Стремительные черные молнии помчались к ним сквозь туман.

– Бежим! – крикнул Слава и тут же вскрикнул, потому над ухом что-то свистнуло и шею сильно обожгло. Как пчела укусила. Он выдернул из кожи неглубоко воткнувшийся узкий дротик с иглой на конце, больше похожий на шприц.

Беска наконец вскочила с рогом в руках и тут же ткнула Славу пальцем в лоб:

– Проснись!

Не произошло ровным счетом ничего.

– Черт! Уже подействовало! – выругалась она, схватила его за руку и потащила за собой в лес.

– Что подействовало? – спросил он на бегу.

– Снотворное. Теперь ты не можешь проснуться! – крикнула она.

Беска неожиданно стремительно присела. Слава не успел среагировать, споткнулся о нее и полетел кубарем. Со свистом над ними пронеслось еще три стрелы. Девушка тут же одним рывком подняла его на ноги, и они помчались дальше.

Слава уже начал задыхаться. Бег на длинные дистанции не был его сильной стороной. Вот стометровку рвануть, опередив всех – это пожалуйста. С его «ходулями», как говорил физрук, самое оно. А на длинных кроссах он всегда приходил последним. Как-то его сердце для марафонов не годилось.

Беске, казалось, было все равно, как долго бежать. У нее даже дыхание не сбилось. Слава же сопел как вскипающий чайник. Даже если вздумает спрятаться, то враги его по звуку за километр обнаружат.

Над ухом опять что-то свистнуло, и рядом промелькнула стрела. Эта была не с дротиком, а с острым, сверкнувшим в свете грибниц, заточенным лезвием.

Слава оглянулся. Темные фигуры их однозначно нагоняли и уже можно было разглядеть свободные черные одежды, развевающиеся от быстрого бега, и оценить рост – раза в полтора выше Славы. Лиц он пока разглядеть не мог.

Из-за того, что не смотрел под ноги, он неожиданно споткнулся о ветку и грохнулся на землю, поцарапав щеку об некстати подвернувшийся пенек.

Беска снова дернула его за руку, поставив на ноги, но драгоценные мгновения были потеряны. Преследователи были уже слишком близко.

Тут Слава выругался вслух из-за своей тупости, что не додумался до этого раньше, и принялся мысленно повторять: «Овраг. Я упал, потому что только что перепрыгнул широкий овраг!»

Он опять обернулся. Беска зашипела на него, но Слава потратил бесценную секунду, чтобы убедиться, что был прав. Позади теперь раскинулся слева направо широченный овраг с вертикально уходящими вниз стенами. Перепрыгнуть его преследователи не смогли. Остановились на краю... и вскинули луки.

Слава дернул Беску за руку так, что они оба упали и покатались по склизко хлюпающей траве. Черные стрелы со свистом прошли выше.

«Щит. У меня за спиной болтается щит. И у Бески тоже».

В фильме про Ахиллеса Слава видел такой прием. С удовлетворением отметил, что за спиной девушки действительно соткался из окружающего тумана большой круглый щит, из-под которого торчали теперь только икры.

Бежать с такой защитой было не так удобно, зато стрел можно было больше не опасаться. Слава ощутил уже три сильных толчка в спину. Беске везло больше – она бежала впереди, юрко ныряя из стороны в сторону, и по ней пока ни разу не попали.

Девушка неожиданно остановилась и выругалась. Лес впереди обрывался у широченного озера. Противоположный берег со светящимися грибами на деревьях был еще кое-как виден, зато влево и вправо вода раскинулась так широко, что сливалась с темным небом.

Слава не мог говорить, из-за сбившегося дыхания и молча махнул рукой, указывая на небольшую лодку.

Скромное суденышко тут же само резво помчалось на середину озера, как только они в него запрыгнули.

– Это ты, что ли, придумал? – спросила Беска, напряженно вглядываясь в удаляющийся берег.

– И озеро, и лодку. Иначе мы бы не спаслись.

– Не говори гоп. Вдруг эти твари плавают как рыбы.

– Вода никогда не пропускала нечисть. Огонь и вода – естественная защита людей на все времена.

– Меня же пропустила, – пожалала она плечами.

Хоть Беска ничуть не устала и даже дышала спокойно, в отличие от Славы, который с сиплым хрипом пытался вогнать в легкие воздуха больше, чем те могли вместить, но сейчас на обычно бледных щеках девушки появился румянец. Разгоряченная, раскрасневшаяся и насто-роженно вглядывающаяся вдаль, она сейчас была невыносимо прекрасна.

– Вот они! – шепнула Беска.

Слава перевел взгляд на берег. Их преследователи действительно не сунулись в воду. Почему-то Слава ожидал криков ярости, как у упустивших добычу назгулов, на которых эти тени здорово походили, но те молча разделились на две группы и стремительно понеслись вдоль берега.

– Не успеют, – удовлетворенно заметила Беска, – мы приплывем намного раньше. Тут по берегу чесать километров пять как минимум, и это только в одну сторону.

В этот момент лодка начала останавливаться. Она проплыла еще пару десятков метров по инерции и замерла.

– Завод кончился, – мрачно ответил Слава на невысказанный Беской вопрос. – Я понятия не имею, как устроены лодочные моторы, так что не смог их вообразить. В детстве в школе делал модель кораблика, где винт был на резинке. Сначала накручиваешь долго-долго, погружаешь в воду, отпускаешь, и он плывет, пока разматывается резинка.

– Не мог придумать резинку подлиннее? – раздраженно спросила она.

– У меня не было времени на расчеты, – огрызнулся он.

– А весла? Весла почему не создал? Хотя... так даже лучше, – удовлетворенно заявила она и расслабленно откинулась на борт. – Время-то играет на нас. Мы можем тут торчать хоть всю ночь, пока действие снотворного не закончится.

– Тебе-то зачем сидеть, если можешь вернуться в любой момент? Ты не спишь, снотворным тебя не пичкали, рог у тебя за пазухой. Ты получила все, что хотела, – мрачно спросил он.

– Считаю это благодарностью. Не хочу бросать того, кто так помог, – улыбнулась она.

– Кто за нами гнался?

Беска помрачнела:

– Не знаю. Кто-то с той стороны. Мы уже сталкивались с ними вместе с Авантюристом в самом начале нашего пути. Еле ноги унесли. После этого поняли, что соваться на ту сторону просто так нельзя. Потому базу в твоём мире и сделали. Все, что нужно, можно добыть и в нём, а эти... туда не сунутся.

– Что такое «та сторона»?

– Нашел время для лекции. Это ж рассказывать часа два. Скажем так, миров бесконечно много, но среди них есть два полюса. Твой и противоположный. Все остальные миры между ними, как промежуточные варианты. Вот тот, что на другом полюсе, мы с Авантюристом называем «той стороной». Сложно объяснить этот фокус с измерениями. Я когда-то жила там и мой убийца тоже наверняка оттуда, так что рано или поздно мне придется вернуться на ту сторону.

Слава неожиданно ощутил слабую вибрацию лодки.

– Что это? – спросила Беска.

– Не знаю, – с опаской ответил он и на всякий случай схватился обеими руками за борта.

Лодку неожиданно завертело, рядом вспух ком воды, словно та, презрев гравитацию, решила большой каплей улететь ввысь. Маленькое суденышко взлетело в воздух и перевернулось.

Славу выкинуло в воду, неожиданно оказавшейся невероятно ледяной. «Вот что стоило придумать теплое озеро?» – запоздало подумал он. Икры тут же свело от холода, и он, отчаянно загребая руками, поплыл к поверхности. Вынырнул как раз в тот момент, когда черные фиолетовые щупальца обхватили перевернутую лодку и резко сжали ее, размочалив в щепки.

– Беска! – крикнул он, но ему никто не ответил.

Холод сковал ноги полностью, а руки уже стали ватными. Слава понял, что долго так не продержится.

В этот момент что-то сжало его ноги и резко дернуло вниз. На самом вдохе, когда он выныривал для очередной порции воздуха, так что Слава тут же захлебнулся, запаниковал... и проснулся.

Вскочил, запутавшись в спальнике и чуть не упал со стола на пол.

– Очнулся? – поинтересовалась Беска из кресла, – я так и думала. Эти идиоты не знают, что физиологический страх задохнуться прервет любой, даже самый крепкий сон. Как только мы упали в воду, я знала, что ты спасешься.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.